

МИРОМ ПРАВЯТ ЖЕЛЕЗО

ОТШЕЛЬНИК

СЕРГЕЙ ШКЕНЁВ

Книга 1

Железо правит миром

Сергей Шкенёв

Отшельник

«Автор»

2021

Шкенёв С. Н.

Отшельник / С. Н. Шкенёв — «Автор», 2021 — (Железо правит миром)

Если не нравится наш мир, то найди себе другой. Можешь даже чуть поправить его на свой вкус. Или не чуть. Или вообще вмешаться так, что самому страшно станет. Магии нет. Эльфов тоже почему-то нет. Есть военный пенсионер и портал. А с той стороны портала... А не скажу. :)

© Шкенёв С. Н., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	31
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Шкенев

Отшельник

От автора

Это не историческая хроника, поэтому я оставляю за собой право вольно распоряжаться датами, событиями, действующими лицами, как существовавшими, так и вымышленными. География остаётся неизменной, с ней я ничего сотворить не смогу при всём моём желании. И традиционно – все действующие лица и события являются вымыслом автора, и случайные совпадения не несут злого умысла. Оставим их на совести автора.

Пролог

Белый УАЗ «Патриот» с надписью «Полиция» на синей полосе переваливался по колдобинам когда-то асфальтированной дороги, отчего белобрысый сержант за рулём сначала ругался, а потом прикусил язык на очередной кочке и замолчал. И хуже всего, что через пару километров признаки цивилизации окончательно исчезнут, и до самой деревни пойдёт глинистая грунтовка с непросыхающими даже в жаркое лето лужами. Правда, Михалыч время от времени заваливает самые глубокие колеи вязанками ивовых прутьев, но это мало помогает. Да здесь вообще ничего не помогает! В прошлом году по личному распоряжению губернатора пригнали два десятка Камазов со щебёнкой, и где они сейчас?

С другой стороны, именно отсутствие дороги оберегает Любимовку от нашествия дачников, скупающих участки в радиусе трёхсот километров от Москвы. Полузаброшенная деревенька на берегу старицы Клязьмы очень даже привлекала внимание алчущих сельской идиллии горожан, но местная природа успешно сопротивлялась пришельцам, поглотив в течение последних трёх лет два крутых внедорожника. Да, их потом вытащили бульдозером, и по непроверенным слухам сумели отмыть от натёкшей в салон жидкой грязи, но желающих покататься по грунтовке стало значительно меньше.

Но Нивы с Узиками проезжали в сухой сезон. Или зимой, когда по засыпанной снегом дороге пару раз пройдёт грейдер. Это ведь Михалыч прекрасно обойдётся без цивилизации, а вот этой самой цивилизации без Михалыча тяжело.

– Тащ полковник, а он и правда колдун? – белобрысый сержант выбрал более-менее ровный участок чтобы задать вопрос и не откусить себе язык.

– Врут, – коротко отмахнулся начальник областного ГИБДД полковник Северюгин. – За дорогой следы!

Так-то оно и ежу понятно, что любимовский отшельник если и не колдун, то в любом случае человек неоднозначный и подозрительный. Только сам полковник смешает с дерьмом любого, кто решит перейти от подозрений к действию, и даже сам губернатор прибежит с лопатой, чтобы закопать излишне любопытных или инициативных. Живёт себе и живёт в глухой деревне недалеко от Клязьмы военный пенсионер Андрей Михайлович Самарин, изредка выбираясь в Гороховец на потрёпанной Ниве, и никому он не мешает.

Места вокруг Любимовки благодатные, зверьё непуганое чуть ли не из окошка стрелять можно, пасека в полторы сотни семей как аэродром гудит... На жизнь Андрей Михайлович не жалуется и другим жить помогает. Иногда возвращает эту самую жизнь в самом прямом смысле.

Год назад Северюгин привёз сюда умирающую жену. Врачи с сожалением разводили руками и давали прогноз на три-четыре месяца, а Михалыч... А Михалыч сказал, чтобы полковник вернулся через неделю и привёз четыре тонны соли, шесть тонн строительной арматуры, да помог пристроить партию соболиных шкурок. Вот где Клязьма и где соболя?

Через неделю Северюгин собственноручно разгружал полноприводный Камаз, перетаскивая мешки с солью и железо в крытый лемехом сарай на краю участка, а выздоровевшая и даже помолодевшая супруга варила на летней кухне умопомрачительно пахнущий суп из свежих боровиков. А что такого? Эка невидаль, боровики... Пятнадцатого мая, ага...

Хотя чему удивляться, если у Михалыча среди зимы можно прикупить десяток свежесподстреленных диких уток или жирного перелётного гуся. Да-да, те самые благодатные места, что не располагают к излишнему любопытству. Кому, например, интересно, куда денутся в глухой деревне два десятка зеркал размером метр на метр двадцать, аккуратно сложенные в багажнике «Патриота»? В лесу развесит! А что, медведи – они тоже люди, и мало ли кому из них захочется полюбоваться на себя в большом зеркале.

Полковник засмеялся, а на удивлённый взгляд водителя прикрикнул:
– Опять на дорогу не смотришь!

Через двадцать минут, благополучно форсировав непросыхающие лужи, Уазик остановился у массивных дубовых ворот с кованными петлями, сделавшими бы честь любому средневековому замку.

– Не сигнал, он сам откроет, – бросил полковник и вышел из машины на свежий воздух. – Красотища какая, аж завидно стало!

Северюгину иногда тоже хотелось бросить всё к чертям собачьим и уехать в деревню. Чтобы вот так же солнышко светило, чтоб дымок из банной трубы поднимался в безоблачное небо, чтобы ржание лошадей из-за забора... Но минутная слабость уходила под напором суровой жизненной необходимости. Скоро вот дочку замуж отдавать, машине уже три года и перед соседями за старьё стыдно, да до пенсии ещё служить как медному котелку. Заботы, заботы, заботы... А жить для себя когда-нибудь потом. Как всегда.

– Дмитрий Олегович?

Полковник вздрогнул от неожиданности и обернулся на знакомый голос. Михалыч стоял в неслышно распахнувшихся воротах и улыбался в седую бороду.

– Замечтался?

– Есть немного, – смущённо признался Северюгин. – Места у тебя к мечтаниям располагающие.

– Что есть, то есть, – кивнул любимовский отшельник. – Заказ привёз?

– Ага, аж рессоры чуть не наизнанку вывернулись.

– Это хорошо, что привёз. Эй, боец, подгоняй таратайку к сараю. Там место приготовлено, выгружай аккуратнее.

– Да я...

– Потом на полочке слева от ворот банку заберёшь.

– Да я бы и так разгрузил, Андрей Михайлович! – повеселел сержант и завёл машину.

– А мы с тобой, Дима, чайку попьём, – Михалыч мотнул головой в сторону резного крылечка. – Или чего покрепче?

– Так даже лучше, – согласился полковник. – В прошлый раз что за настойка была?

– Понравилась?

– Не то слово, Михалыч! От супруги за неё отдельная благодарность.

– Будет тебе настойка. А сейчас, Дима, колись, что за проблему с собой притащил?

– Так заметно?

– По всей морде крупными буквами.

– Понимаешь... – полковник помолчал, подыскивая нужные слова. – Понимаешь, Михалыч, японец тут один нарисовался по рекомендациям с самого верха.

– Нахуй японца.

– Михалыч...

– Или к ветеринару.

– Богатый японец. Очень даже богатый.

В доме Северюгин демонстративно не заметил висящий на крючке у двери автомат Калашникова и сел за стол. Поёрзал, устраиваясь на жёсткой деревянной лавке, и ткнул пальцем в потолок:

– С самого верха настоятельно рекомендовали.

Андрей Михайлович недобро усмехнулся:

– Чем выше рекомендатель, тем шире у него пасть и ненасытнее утроба. Нам хоть что-нибудь останется от их интереса?

– Там, – палец полковника ещё раз указал в потолок, – там согласны на десять процентов.

- Неужели наелись?
- Вопрос политический, Михалыч.
- Ладно, политику в задницу. Губеру сколько?
- Мне и Евгению Леонидовичу по одному проценту.
- Стало быть, двенадцать. Почти как подоходный налог. Японец точно богатый?
- Миллиардер.
- Тогда заплатит половину того, что у него есть.
- Не заплатит.
- В гробу карманов нет.
- Зато они есть у наследников.
- Вот наследники пусть его и попробуют вылечить.
- Нет, Михалыч, – помотал головой полковник. – Он же самурай – зубы стиснет и сдохнет, но семью без денег не оставит.
- Без денег?
- В их понимании.
- Жадные идут к ветеринару.
- Михалыч...
- Хорошо, десять процентов.

Там, на самом верху.

- Ну что же, весьма разумный список. Не буду спрашивать, зачем это вообще ему нужно, но очень надеюсь на соблюдение договора с нашей стороны.
- Да он сумасшедший?
- И что?
- Зачем в лесу обрезки рельсов Б/У длиной не более одного метра? Это я цитирую!
- Да пусть хоть в Клязьму с берега бросает. Если человек готов отдать такую кучу денег за старые рельсы, то государство обязано предоставить ему эти грёбаный рельсы! Не на блядей в Куршавеле тратит, а вкладывается в экономику своей страны. Это вы считаете сумасшествием?
- А если?
- Даже не думайте! Здоровье потом в аптеке покупать? Мне семьдесят лет, между прочим, и если отшельник обидится...
- Но мы можем...
- Не можем! Хрен знает как оно там работает, и будет ли работать потом, когда кто-то очень жадный сунет туда своё свиное рыло.
- А охрану...
- А охрану усилить.

Глава 1

– Кукушка-кукушка, сколько мне жить осталось?

Врач-кардиолог Вадим Петрович Кукушкин, внимательно изучающий ленту кардиограммы, покачал головой:

– Неправильные у вас шутки, Андрей Михайлович.

– Ну уж какие есть. Что там у меня?

– А что может быть после второго инфаркта? – врач с раздражением отбросил бумагу. – Курить так и не бросили?

– А смысл?

Кукушкин фыркнул рассерженной кошкой:

– Вы ещё скажите, что с работы увольняться не собираетесь.

– Как вы угадали, Вадим Петрович?

– Да посмотрелся на таких, – досадливо поморщился врач. – Работа и городская суета с гарантией вас убьют, Андрей Михайлович.

– Предлагаете бросить всё и уехать в деревню, к тётке, в глушь, в Саратов?

– Зря иронизируете. Свежий воздух и умеренные физические нагрузки иногда творят чудеса.

– Только скорая в деревню с опозданием приезжает.

– А она к вам, Андрей Михайлович, уже и в Москве не успеет.

– Умеете вы ободрить, Вадим Петрович.

– Уж извините, – криво улыбнулся Кукушкин.

Наверное, именно эта кривая улыбка заставила военного пенсионера Самарина задать себе вопрос – а что, собственно, держит его в городе? С женой разошёлся двадцать лет назад – тонкая женская натура не выдержала первой же зимовки в заполярном гарнизоне, у сына своя семья и живёт он в Мурманске, дочка с мужем аж во Владивостоке... Отца, правда, навещают. Пусть раз в пять лет, но приезжают сами и привозят внуков, отчего двухкомнатная хрущёвка в Новогиреево превращается в филиал Больницы имени Кащенко, совмещённый с цыганским табором.

Или работа держит? Как бы да... общение, ощущение нужности хоть кому-нибудь и всё такое... Но, с другой стороны посмотреть, перед начальником склада торгующей газовым оборудованием фирмы мелькают одни и те же морды, и они настолько опротивели, что аж скулы сводит. Зарплата? Да хрен с ней, с зарплатой, всё же пенсия есть и на чёрный день кое-что отложено. Может быть, и правда бросить всё?

– Слушай, Вадим, а купи у меня квартиру!

– У меня есть, – ответил Кукушкин. – Зачем мне вторая?

– Дети подрастут, по-другому заговоришь. А тут чисто родственная помощь и так далее. С родного племянника три шкуры драть не буду. Бери в рассрочку, а?

– Решился, дядя Андрей? – Вадим оставил полуофициальный тон, улыбнулся, и потянулся к ящику стола. – Я тебе сейчас покажу кое-что, а там уже сам примешь решение.

– Что ты мне покажешь?

– Да вот, – перед Андреем Михайловичем легла пачка фотографий. – Моя Маринка бабушку из деревни забрала, а дом в чужие руки отдавать жалко.

– Как дачу используй.

– Есть у меня дача, ты же знаешь. И в те ебенья не наездишься, честно тебе скажу.

Самарин взял фотографии и развернул их веером. На первый взгляд всё прилично – ещё крепкий рубленый пятистенок на три окна по фасаду, крыша крыта потемневшим от времени шифером, крылечко резное. А это что тут?

Вадим перехватил взгляд Самарина и с довольной улыбкой ткнул пальцем:

– Пиролизный котёл на дровах или брикетах. Горя знать не будешь! Да там и дров этих запасено на десять лет вперёд.

– Да ладно?

– Ещё в систему электрический котёл врезан с автоматическим включением на тот случай, если забухаешь на пару дней и всё прогорит.

– Бухарик из меня нынче хреновый.

– Это я для себя делал. Бойлер ещё электрический для горячей воды, скважина... Баня ещё есть, – Кукушкин поискал нужную фотографию. – Нравится?

– Как бы да, – согласился Андрей Михайлович. – Но ты точно уверен, что местные всё это богатство не растащили? Деревенские, они народец ушлый.

– Некому там тащить. Баба Поля последней в деревне осталась, поэтому мы её и забрали.

– Тогда бомжи залезут.

– Откуда в Любимовке бомжи, дядя Андрей? Там дороги нормальной нет, а они привыкли по хорошему асфальту ходить. Ага, от мусорки и пункта приёма металла до ближайшей аптеки.

– Заманчиво всё это, Вадим, – вполголоса сказал Самарин, продолжая рассматривать фотографии. – В отрыве от цивилизации, но со всеми удобствами.

– Ну, дядя Андрей, не совсем в отрыве, – не согласился Кукушкин. – Видишь, вот тут мачта выглядывает? Мобильник в деревне не берёт, но интернет у тебя будет. И на эту красоту посмотри.

– Куда посмотреть?

– На неё.

– Ниву ржавую вижу.

– Зато двигло после капиталки, да подвеску полностью перебрали. Тебе же не по Садовому кольцу на ней рассекать, а для леса в самый раз.

– Да ну нахер этот рыдван.

– Дядя Андрей, я же не прошу за неё денег.

– А за всё остальное?

– Да тоже ничего. Считай себя сторожем без зарплаты. Квартиру сдашь кому-нибудь, а если не понравится в деревне, то всегда сможешь вернуться. Да что я тебя уговариваю? Поехали, на месте всё помотришь, там и примешь решение.

Андрей Михайлович подумал, и махнул рукой:

– А поехали! У тебя когда выходные?

– А у тебя?

– Да считай, уже уволился. Позвоню директору, чтобы расчёт на карту перевёл, и всё увольнение.

– То есть, уже решил?

– Не станешь же ты родного дядю вывозить в глухомань с корыстными целями? – усмехнулся Самарин.

– Цели у меня как раз корыстные, – вернул усмешку племянник. – Дом под присмотром будет, и участок бурьяном не зарастёт.

– Если с этой стороны посмотреть... Когда едем?

Кукушкин посмотрел на настенный календарь, что-то прикинул в уме, и предложил:

– Сегодня в ночь можно выехать. Пока через пробки прорвёмся, да по трассе часа три пилить, да после поворота час ехать... К рассвету до грунтовки доберёмся, а там потихоньку прогуляемся километров шесть.

– Да я...

– А мы с перекурами, учитывая твою одышку и общее состояние. Моя пузотёрка по грунтовке всё равно не пройдёт.

– Хрен с тобой, поехали, – согласился Андрей Михайлович. – Жду тебя вечером, адрес помнишь.

– В полночь.

– Как в ужастиках?

– Традиции, – развёл руками Кукушкин. – Самое страшное всегда начинается в полночь.

– Если традиции, тогда да. Ладно, Вадим, пойду я домой. Такси только мне вызови.

Домой Андрей Михайлович попал не скоро. Сначала заехал в аптеку сделать запас лекарств на все непредвиденные случаи, потом всё-таки заскочил на работу и написал заявление на увольнение, чем очень огорчил директора, но подсластил пилюлю, предложив свою квартиру родной конторе для проживания особо ценных работников за разумные деньги и на длительный срок. После этого визита отправился в супермаркет, и под недовольное бурчание привлечённого в качестве носильщика таксиста затарил огромную тележку продуктами длительного хранения. Тушёнка, сгущёнка, сахар, крупы, чай, растительное масло... мыло хозяйственное ещё, хотя оно совсем не съедобный припас.

Вадим что-то говорил про автолавку, каждую вторую среду месяца останавливающуюся на полчаса там, где заканчивается разбитый асфальт и начинается грунтовка, но на неё лучше не надеяться. Ну их нахер, этих деревенских предпринимателей с их своеобразным представлением о времени и точности. В сельской местности день разделяется на «до обеда» и «после обеда», а остальное от лукавого.

С таксистом предусмотрительный пенсионер рассчитался щедро, но только после того, как тот за три ходки затащил покупки в квартиру. Молодой же бугай, что ему четвёртый этаж без лифта?

И пока закипал чайник, Андрей Михайлович принялся за сборы. В первую очередь тщательно упаковал любимую и единственную двустволку, забил целый рюкзак охотничьими принадлежностями вроде банок с порохом и коробками гильз, добавил туда пакет с крючками и леской, но предварительно на самое дно положил выдавший виды ТТ-шник, попавший во времена оны к старшему прапорщику Самарину причудливыми и почти не криминальными путями. Или обмен на казённую тушёнку в голодные девяностые можно считать криминалом?

Теперь документы и прочие личные бумаги. Что ещё осталось? Вроде бы всё нужное взял? Если только посуду... нет, посуда там должна быть, так что пусть послужит квартирантам. Что ещё? Ах да... горсть юбилейных медалек в карман рюкзака, их потом на блёсны можно переделать, а единственную ЗБЗ (за боевые заслуги) к документам.

Ага, и чехол со спиннингом и телескопическими удилищами в прихожей у двери поставить. Так-то не заядлый рыбак, но под хорошее настроение можно на зорьке с удочкой посидеть. Там же старлица Клязьмы сразу за забором, грешно не воспользоваться возможностью разнообразить меню.

Вот теперь точно всё. Только грёбанный чайник давно выкипел и слышно потрескивание раскалённой эмали.

Мобильник выдал балладу Скорпов ровно в полночь, чему Самарин нисколько не удивился, так как племянник с детства отличался точностью морского хронометра, и своей пунктуальностью иногда доводил окружающих до белого каления.

– Слушаю, – бросил Андрей Михайлович в трубку.

– Это я слушаю, – ответил Вадим подозрительно жизнерадостным голосом. – Мы у подъезда, давай выходи.

– Мы, это кто?

– Сюрприз, дядя Андрей.
– Бери свой сюрприз за задницу и вместе поднимайтесь. Будете сумки таскать.
– Какие сумки?
– Большие и тяжёлые. Я, Вадим, решил в твоей Любимовке остаться. Поживу, а там видно будет. Так что давай поднимайся.
– Хорошо, сейчас будем, подъезд открывай.
– Ты там с Маринкой, что ли?
– Нет, засмеялся Кукушкин. – Да сейчас сам увидишь.
– Матрёшку какую прихватил? – попытался догадаться Андрей Михайлович. – Я, конечно, человек пожилой и многое в жизни повидавший, но к прыгающим по машине гоноккам отношусь строго отрицательно.
– Какие, к чёрту, гонокки? – возмутился Вадим. – Баба Поля с нами решила поехать.
– Охренел? – на этот раз возмутился Самарин. – Она на двадцать пять лет старше меня! Отбросит коньки по дороге, и что?

Кукушкин странно хрюкнул в телефон и сообщил:

– Дядя Андрей, вообще-то у меня громкая связь включена.
– Твою мать... Поднимайтесь, открываю.

Обижать мамашу Вадимкиной тётки в планы Андрея Михайловича не входило. Хоть и видел он её в последний раз лет двадцать назад, но уже тогда эта старушенция показалась вздорной и злопамятной особой, страдающей от множества хронических болезней, и разговаривающая исключительно о них же. Оскорблённая бабка за четыре часа в машине мозг вынесет со стопроцентной гарантией. Вот кто за язык тянул, а?

Через несколько минут хлопнула заранее отпертая дверь в прихожей, и Самарин крикнул из кухни:

– Я здесь! Сейчас чайку на дорожку попьём, и в путь!

– От меня прячешься, Андрей Михайлович? – женский голос, нисколько не похожий на старческое шамканье, приближался. – Вылезай, бить не буду.

– Совсем даже не прячусь, – Самарин выглянул из кухни и широко открыл глаза. – Полина Дмитриевна, это точно ты?

Да уж, мама Вадимкиной тётки никак не выглядела на свои девяносто с плюсом. Максимум на пятьдесят, а рядом с лысым и толстым Кукушкиным и того меньше.

– Нахрен твой чай, Андрюша! – бабушка Поля подхватила с пола самый большой рюкзак и скомандовала. – Всем на выход с вещами!

– Вадик, ты её клонировал? – спросил Андрей Михайлович у племянника. – На лицо вроде бы похожа, а остальное...

– Мы с тобой, Андрюша, на эту тему отдельно поговорим, – угрожающе улынулась Полина Дмитриевна, блеснув ровными и явно родными зубами. – А вообще-то это в Любимовке воздух такой целебный. Так что хватай сумки, старый пень, и на выход.

– Угу, – кивнул Самарин. – Только чайник выключу и газ перекрою.

– И воду тоже, – посоветовала вдогонку бабушка Поля. – Альцгеймер он такой... часто со склерозом вместе приходит.

– Нет у меня ни того, ни другого, – через пять минут огрызнулся Андрей Михайлович, взяв в руки тяжёлый яловый сапог.

– Может и есть, но ты про них не помнишь, – Полина Дмитриевна с определённой опаской покосилась на подошву сорок пятого размера и пошла на попятную. – Так-то да, молодой ты ещё для Альцгеймера, Андрюша.

Самарин возмущённо сопя намотал портянки и обулся. Притопнул, отчего задрезжали дверцы у шкафа, и предложил:

– Присядем на дорожку, если чаю не хотите?

– Не в космос улетаешь, – отказалась Полина Дмитриевна и открыла дверь. – Вперёд, нас ждут великие дела!

На лестнице Андрей Михайлович сунул племяннику связку ключей:

– Это запасные, пусть у тебя побудут на всякий случай.

– Бери, Вадик, – бросила через плечо идущая впереди бабушка Поля. – А Маринке я про них не скажу.

– Да я как-то... – попробовал отказаться Кукушкин.

– Не разочаровывай меня, Вадик.

– Тогда да... Но только для сохранности.

– Верю! – всё так же не оборачиваясь кивнула Полина Дмитриевна. – Но Маринке всё равно не стану говорить.

В Балашихе ожидаемо упёрлись в пробку. Вроде не канун выходных, а люди едут куда-то и едут, будто вся их жизнь заключается в вечном движении. Что им дома по ночам не сидится?

– Ремонт дороги чуть ли не до Новой Купавны, – пояснил Кукушкин, доставая из кармана пачку сигарет. – Желающие могут покурить свежего воздуха.

– А чего сразу через Носовихинское и Железку не поехал? – спросила устроившаяся на заднем сидении Полина Дмитриевна. Как раз за пробкой бы и выскочили.

– Да там вообще триндец, – Вадим махнул рукой и вышел из машины.

– А ты, Андрюша, бросил что ли?

– Нет, пока не бросил, но на частые перекуры здоровья уже не хватает. Так что стараюсь курить пореже.

– Ничего, там бросишь.

– На том свете, что ли? – пошутил Самарин.

– Тьфу на тебя, дурак старый, – обозлилась Полина Дмитриевна. – Говорила же, воздух в Любимовке целебный. Как пройдёшься по лесу, так не поверишь, несколько лет с плеч долой и болезни куда-то деваются. Я ведь, Андрюша, когда там домик купила, почитай двумя ногами в могиле стояла. Да по пояс. Вся медицинская энциклопедия окромя венерических заболеваний.

– Что ж так-то? Упущение.

– А вот это не твоего ума дело, Андрюша.

– Да я так, к слову просто пришлось, – извиняющимся тоном произнёс Самарин. – Но если воздух такой целебный, то что же деревня опустела? Разъехались или вымерли?

– И то и другое. Молодёжь уехала, старики поумирали. А почему на них воздух не действовал, я не знаю. Работали много, скорее всего. Работа жизнь сокращает больше курева, особенно когда работа через немогу.

– А ты?

– Что я? Пенсионерка же, да и пчёлы.

– Кто?

– Пчёл я держала, а они тоже лечат.

– А сейчас где они?

– Распродала в прошлом году. Если надумаешь держать, то старые ульи в сарайке сложены, а которые и не убирала, так и стоят на огороде. Сам увидишь.

Андрей Михайлович считал пчеловодство чем-то сродни шаманизму, и даже в мыслях не представлял себя пасечником. Учиться поздно, да и вообще... Другое дело огород ли два десятка несущек.

– Участок большой?

– По документам семьдесят две сотки, а так хоть пару гектаров занимай, никто слова не скажет.

– Хрена себе, – удивился Андрей Михайлович. – Как ты с ним управлялась?

– Да бомжей нанимала.
– Постой, мне Вадим говорил, что нет там никаких бомжей.
– Никаких точно нет, а эти есть. Как откроешь ворота, что на берег Клязьмы выходят, они уже тут как тут. Будто караулят постоянно.

– Воруют?

– Железяку какую если сопрут, а так нет. Я их за работу по огороду прикармливала, они и рады. По-русски, правда, не очень хорошо говорят. Еще с собой давала гречки и соли. Даже не представляю, зачем им столько соли? Пачку килограммовую дам, так чуть не пляшут от радости.

– А что, прямо в лесу и живут?

– Чёрт их знает, Андрюша, может быть и в лесу.

– Тогда понятно.

– Что понятно?

– Зачем им соль. Грибы на зиму заготавливают.

– Возможно, – согласилась Полина Дмитриевна. – Места там грибные. Ты их не гоняй если встретишь, ладно? Безвредные бомжи и всегда трезвые.

– Постараюсь, – заверил Самарин. – Как себя вести будут.

Погасли стопари передистоящего автобуса и Кукушкин, затушив сигарету в карманной пепельнице, запрыгнул в машину.

– Едем дальше?

– Твои бы слова, да богу в уши, – откликнулась Полина Дмитриевна. – Сейчас опять встанем.

– Ползти будем, но без остановок, – возразил Вадим. – Навигатор показывает... Кстати, дядя Андрей, я тебе классный спутниковый навигатор купил.

– Зачем он мне?

– Чтобы в лесу не заблудиться.

– Я не собираюсь блуждать по лесам.

– Но ружьё взял?

– Не оставлять же его квартирантам?

– Вот и я про то! Охотники, они народ азартный, забредёшь чёрт знает куда, а вернёшься по навигатору. Спасибо ещё скажешь.

– Когда пригодится, тогда и скажу.

– Договорились, – кивнул Кукушкин.

Племянник не зря отличался пунктуальностью – как он и обещал, к Гороховцу подъехали ещё в темноте, а когда свернули с дороги, ведущей к Нижегородской области, и упёрлись в покосившийся указатель с почти незаметными буквами, уже вставало солнце. Правда, Кукушкин своей точностью остался недоволен.

– Нам ещё до грунтовки час пились.

– Ты же про шесть километров говорил, – удивился Андрей Михайлович. – Со скоростью пешехода собираешься ехать?

– По-другому здесь нельзя, – пожал плечами Вадим и надавил на газ.

Совсем чуть-чуть надавил, но этого оказалась достаточно, чтобы новенькая Ауди клюнула носом в ямку и проскрежетала защитой карттера по асфальтовой кочке.

– Мать... – коротко прокомментировал Самарин. – Как здесь вообще ездят?

– На моей Ниве пролезешь без проблем, – заверила Полина Дмитриевна. – Не забирать же её в Москву? Да и права у меня забрали.

– За что?

– Потому что козлы!

Кукушкин засмеялся и объяснил:

– Не обменивают. Не верят, что это её права.

– Паспорт бы показала.

– Я показывала, – вздохнула Полина Дмитриевна. – Только там фотография двадцатилетней давности, и они тем более не поверили. Разве не козлы?

– А от пенсионного фонда она вообще скрывается, – опять засмеялся Вадим.

– Скрываюсь, – не стала отнекиваться бабушка Поля. – Там вообще одни ублюдки, которых давно заждались петля и стенка.

– Репрессии нужны?

– Нужны, но при нашей власти все патроны и верёвки разворовали. Сталина на них нет!

Самарин не дал втянуть себя в политическую дискуссию, потому что по личному опыту знал – ничем хорошим они не заканчиваются. Обязательно все разругаются вдрызг, даже если придерживаются более-менее похожих взглядов. Да и как можно говорить о чём-то, если мысли заняты лишь одним – только бы лакированная немецкая драндулетка не развалилась на суровых русских дорогах.

Однако Полина Дмитриевна не успокоилась и продолжила ругать нынешнюю власть, но уже вполголоса, а потом торжествующим тоном объявила:

– А в гробу я видела этих гаишников! И в деревне они мне не указ.

Кукушкин посмотрел на бабушку в зеркало заднего вида, и уточнил:

– Хочешь сама за руль?

– На твой лайбе не поеду, не люблю автоматические коробки. Прогуляюсь за Нивой, а вы с Андреем меня подождёте.

– Дойдём, – попробовал возразить Самарин.

– С сумками и рюкзаками дойдёшь? Ты же упадёшь на первом же километре, – засмеялась Полина Дмитриевна, и злорадно добавила. – Пенёк старый.

Ревущая прогоревшим глушителем Нива отчаянно закричала стертymi тормозными колодками, как бы намекая, что слова Вадима о капитальном ремонте не совсем соответствовали действительности. И ещё она юзом развернулась по мокрой от росы траве на лысых покрышках.

Кукушкин в ответ на вопросительный взгляд сделал удивлённое лицо:

– Три года назад всё было в норме.

– Она и сейчас как новенькая! – похвалила машину Полина Дмитриева и заглушила двигатель. – Приехали.

Андрей Михайлович еле слышно матерясь и громко похрустывая суставами выбрался с заднего сиденья, с трудом разогнулся, и осмотрелся.

– А неплохо, в самом деле.

Единственная улица Любимовки упиралась в старицу Клязьмы, и огороженный слегка покосившимся забором из потемневшего горбыля участок Полины Дмитриевны был последним справа, выходя восточной границей на самый берег. Над забором выглядывала знакомая по фотографиям шиферная крыша, кое-где украшенная зелёными клочками мха. На воротах висел ржавый замок, помнивший ещё русско-турецкую войну.

– Открывай, ты теперь здесь хозяин, – Полина Дмитриевна протянула Самарину внушительного размера ключ. – Кошку бы запустить в первую очередь, но чего нет, того нет. Потом Вадим пару штук привезёт.

Андрей Михайлович представил себя в компании двух кошек и вздрогнул:

– Лучше черепаху, она лиять не будет.

От ворот к крыльцу вела вымощенная дубовыми кругляшами дорожка, достаточная для проезда машины. Интересно, сколько же времени потрачено на распил этих деревяшек? И ещё они явно выварены в олифе от сырости и гнили. Колоссальный труд!

– Нравится? – Полина Дмитриевна притопнула ногой. – Те самые бомжи и сделали?

– Дорого обошлось?

– От денег отказались. Отдала два пила, топор, восемь кило соли и ящик ржавых гвоздей. И знаешь, Андрей, рожи у них были такие, будто они развели меня как последнюю лохушку.

– Хм... слова у тебя какие...

– А что, чай телевизор смотрю.

Деревянная дорожка заканчивалась большой площадкой перед крыльцом, и уже от неё, огибая клумбы и буйные кусты малины, шли тропинки из таких же кругляшей к бане, к сараю, к огромной поленнице, и тянулись за дом в сторону огорода. Но на огород Самарин не пошёл.

На двери дома был замок уже вполне современного вида, а рядом на гвоздике висел ключ. И зачем тогда запираться?

– Один остался, остальные потеряла, – пояснила Полина Дмитриевна. – А замок нужен, чтобы все видели, что хозяев дома нет.

– Забор же и ворота.

– Это со стороны улицы, на задах их нет.

– Охренеть.

– Да ладно, здесь не воруют. Можно просто палочку в проушины воткнуть, но когда надолго уезжаешь, то лучше замок.

– А кому тут видеть, если деревня пустая?

– Летом приезжают. Недели через две, как клубника поспевать начнёт, сам и увидишь. Так-то да, никто не живёт, но официально человек десять прописаны.

– Нахрена?

– Чтоб электричество не обрезали.

– Понятно, – Андрей Михайлович снял замок и повесил его на тот же гвоздик не вынимая ключ. – Запомните этот момент, товарищи! Михалыч делает первый шаг в неизведанное!

Глава 2

Первую ночь на новом месте Андрей Михайлович провёл без сна. В принципе, она ещё не закончилась, но дом невелик, всего две комнаты и кухня с прихожей, но на соседнем диване мощно храпит умаявшийся за день Вадим. Какой уж тут сон. Племянник до позднего вечера пытался настроить более-менее приличный интернет, несколько раз залезал на крышу и поворачивал антенную мачту, громко матеря глушащие сигнал деревья. При его габаритах и весе – почти подвиг.

Мысли тоже не давали уснуть. После выхода на пенсию Самарин уже привык к стабильности, и поначалу кажущееся правильным решение остаться в деревне стало вдруг выглядеть бредовым, поспешным и скоропалительным. Вот чем здесь ему заниматься? Картошку сажать уже поздно, да и не лежит душа к сельскому хозяйству, самогонование не по нынешнему здорью. Тупо пялиться в сериалы на ноутбуке? И так изо дня в день, пока однажды... Сколько тех дней осталось? Или месяцев? Или лет?

Нашарил на прикроватной тумбочке пачку сигарет с зажигалкой, отбросил одеяло... Где-то рядом на коврике тапочки должны быть.

От скрипа пружин древнего матраса проснулся Вадим:

– Ты куда?

– Не спится что-то, пойду на свежем воздухе посижу.

– Комары сожрут нахер.

– Я быстро.

Быстро не получилось. Сначала Самарин покурил сидя на ступеньках, потом решил прогуляться по деревянным ступенькам, а там ноги сами принесли его к выходящим на старицу воротам. Не ходить же по единственной деревенской улице в синих сатиновых трусах и растянутой майке? Если и правда кто-то приехал и сейчас страдает бессонницей у окошка? Голые тощие ноги – не лучший пейзаж.

Створка ворот открылась мягко и без скрипа. В нос ударили запахи близкой воды, дым костерка, и... Ну да, так пахнут уха и гороховая каша с копчёностями. Те самые бомжи, что упоминала Полина Дмитриевна? Нет, не бомжи, а туристы – носом в берег приткнулся здоровенный баркас с мачтой. Костерок в ямке, его со стороны не видно, и только запахи стряпни на всю Клязьму. Хорошо ребята отдыхают. Под горячее наверняка по соточке наладят, если не по две.

Подойти и поздороваться? Пожалуй, нет, не самая хорошая мысль. Во-первых, без штанов, а во-вторых, неудобно будет, если примут за деревенского бухарика, примчавшегося на запах выпивки. Если и не примут... какая после второго инфаркта выпивка? Но откажешься – обидишь людей.

Андрей Михайлович ещё немного постоял в тишине, потом щёлкнул зажигалкой, закурил вторую сигарету, и пошёл домой.

И никто не знал, что история одного из бесчисленного множества миров изменилась сразу после щелчка одноразовой китайской зажигалки.

Утро началось с рассветом и грохотом кастрюль на кухне. Полина Дмитриевна справедливо полагала, что находящиеся под её опекой беспомощные мужчины прекрасно обойдутся без сна, но без еды они захиреют и к вечеру превратятся в озверевших от бескормизы зомби. Вот прям натуральных зомби, точно как на обложке книжки, приготовленной для растопки печки. Недовольный шумом Вадим был отловлен первым и послан за дровами.

Да, кто бы спорил, еду можно приготовить на газовой плите, и даже нужно. Газовая плита прощает повару много ошибок и частично исправляет его же кривые руки. Но иногда хочется побаловать себя... Эх, да что говорить, это попробовать надо!

– Андрюша, а ты с огорода зелени принеси.

– Ты разве сеяла что в этом году?

– Я и в прошлом её не сеяла, – отмахнулась Полина Дмитриевна. – Это как сорняк, зачем его постоянно сеять. Вот взять, к примеру, укроп...

Андрей Михайлович мысленно перекрестился и дезертировал с лекции по сельскому хозяйству. Отличает укроп от петрушки, и ладно. Что ещё знать нужно?

В огороде зелень нашлась в дальнем углу почти у самого забора. Нарвав большой пучок, Самарин вспомнил про ночных туристов на парусном баркасе, и посмотрел на старицу через дырку между криво приколочеными горбылями. Туристы отсутствовали.

– Тоже ранние пташки, – сказал сам себе Андрей Михайлович и замер, привлечённый подозрительными звуками. – А этим какого хрена здесь нужно?

Теперь главное не делать резких движений, они этого не любят. Так, во всяком случае, говорят опытные люди. Кто эти они? Да, пчёлы, деловито снующие у старого улья, сохранившего следы синей краски. А если приглядеться, то из второго, что в кустах смородины, тоже лезут.

Андрей Михайлович затаил дыхание, чтобы ненароком не спровоцировать полосатых зверюг, и медленно пошёл спиной вперёд, стараясь не смотреть на ульи. Хищники, по слухам, очень не любят прямой взгляд. Или пчёлы не хищники? Лучше не проверять.

На кухне Самарин сел на табуретку и вытер внезапно вспотевшее лицо пучком укропа:

– Дмитриевна, ты же пчёл продала?

– Ну?

– А какого хрена они обратно прилетели?

– Кто?

– Пчёлы.

– Куда прилетели? – не поняла Полина Дмитриевна.

– В ульи! – Самарин бросил пучок на стол. – Чуть не сожрали меня на огороде.

– Серьёзно?

– Серьёзнее не бывает. Я стою, а они жужжат и кружатся прямо перед мордой.

– Рои, наверное, прилетели. Любят они на старые пасеки прилетать, а начало июня как раз самая роевая пора.

– И что делать?

– Радоваться халяве, – Полина Дмитриевна потянулась к шкафчику и достала несколько истрёпанных книжек. – Вот.

– Что это? – с подозрением посмотрел Андрей Михайлович.

– Изучай теорию, там ничего сложного.

– Да уж...

– А после обеда будем проводить практические занятия.

– Да, но...

– Андрюша, мы с Вадиком вечером уезжаем, и я должна тебя хоть чему-то научить.

Появившийся Кукушкин свалил на пол охапку берёзовых поленьев и поддержал:

– Точно! Не знаю про что говорите, но бабушка плохому не научит.

– Да идите вы все... – обиделся Андрей Михайлович. – Я тоже уйду.

– Куда?

– На речку со спиннингом.

– Я тоже, – подхватился Вадим, с опаской глядя на ведро с нечищенной картошкой. – Мы мужчины, наше дело добычу в дом принести.

– Проваливайте, – согласилась Полина Дмитриевна. – Как будет готово, покричу. Так что далеко не отходите.

Рыбалка сразу не заладилась. Самарин не считал себя великим рыболовом, но борода из лески на первом забросе при наличии безынерционной катушки явно не является показателем мастерства. Больше двадцати минут потратил на распутывание под не совсем тактичные советы племянника, но неудачи продолжались, и чёртова блесна зацепилась за камыши у противоположного берега старицы. Да что же она такая узкая? Ночью баркас проходил, а сейчас её и курица после небольшого разбега перепрыгнет. Чертовщина...

В конце концов Андрей Михайлович не выдержал, вручил спиннинг Вадиму, строго предупредил о материальной ответственности, и отправился побродить по берегу. Там, где туристы приставали, должно быть чистое место, где можно потом посидеть с удочкой. Не динамитом же они рыбу глушили сразу за огородом? Наверняка тут и наловили.

Прошёлся, похлопывая по сапогу прутиком, потом ещё раз прошёлся... И в третий раз внимательно всё осмотрел. Непонятно! В камышовых дебрях нет и следа от баркаса, а обрывистый берег сплошь зарос тальником и для стоянки совсем не подходит. Разве что лестницу с собой таскать, иначе не заберёшься. Но они здесь точно были и уху на костре готовили. Кострища, кстати, тоже нет. И гуда же оно могло надеваться?

Самарин задумчиво осмотрелся и обратил внимание, что ночью от ворот до старицы было метров сто, если не больше, а сейчас метров десять, или того меньше. Темнота увеличивает расстояние? Может быть, может быть... И вот какой момент странный – если ворота делали для того, чтобы лодку со двора вытаскивать, то почему не оборудовали удобный спуск к воде? Если скрыть обрыв и поставить мостки? Ну да, он бы так и сделал. Ещё бы сделал на воротах запор с наружной стороны, иначе каждый раз не набегаешься их отпирать.

– Смотри, дядя Андрей! – заявившийся Вадим гордо продемонстрировал кукан с тремя небольшими щучками. – Дуром хватает!

– Так лови, если клюёт.

– Да я блесну оборвал, – сознался племянник. – Но ты не беспокойся, в следующий раз десяток привезу. Они дорогие?

– Рублей триста в среднем. Пойдём, я тебе другую дам.

– И в запас?

– И в запас три штуки.

– Пять штук! – племянник с азартом потряс пойманными щучками. – Такой клёв раз в жизни бывает!

– А ты чаще на рыбалку выбирайся, – посоветовал Самарин. – Ладно, будет тебе пять блёсен.

Уже на подходе к дому память подсунула пропущенную ранее мелочь, и Андрей Михайлович недоумённо помотал головой. Выходящие к старице ворота с наружной стороны полностью вросли в землю! Но он же ночью их открывал?

Вечером нужно проверить. Вот Вадим с бабулей уедут, тогда и посмотреть. Иначе неудобно получится, да и до вопросов о душевном здоровье недалеко. Да, решено.

– А грибов тут белых видимо-невидимо, хоть косой коси, – рассказывала за обедом Полина Дмитриевна, дирижируя половником. – С улицы не видно, так что местные там не ходят, но если от лодочных ворот вниз по течению пойти, то почти сразу же и лес хороший начинается. Сосны с ёлками вперемешку, березняк редкий, дубы кое-где, а из мха шляпки боровиков выглядывают. Бывало за час две корзины набирала. Если бы не ружьё, то и третью можно взять, а так не дотащить этакую тяжесть.

– Зачем за грибами с ружьём? – не понял Самарин, вяло ковыряющийся ложкой в тарелке с борщом.

– Кабанов полно. Обнаглели, сволочи, прямо под ногами крутятся всем выводком. Чуть припоздаешь, так все шляпки пожрут, одни ножки торчат. А как бабахнешь из ружьишка, так разбегаются и долго потом не показываются. Тут главное не попасть – раненый кабан тебя самого сожрёт вместе с сапогами и корзинками. Свинья и есть свинья, хотя и дикая.

– У тебя и ружьё было?

– Участковый отобрал, сучонок. Оно же без документов. Да и какие документы на однозарядную берданку?

– Договорилась бы.

– Злой он был, – вздохнула Полина Дмитриевна.

– На кого?

– На меня, кого же ещё? Я ему прикладом три ребра сломала и челюсть, а как из больнички вышел, так ружьё и конфисковал.

– Мог и посадить, – фыркнул Вадим, впервые услышавший такие подробности бабушкиной биографии. – Запросто бы терроризм приписал.

– Он сказал, будто дома с лестницы упал. Иначе засмеют.

– Логично, – согласился Вадим.

Андрей Михайлович на всякий случай решил уточнить про грибы:

– Почему тот лес с задов огорода не виден?

– Забор загораживает, – пожалала плечами Полина Дмитриевна. – И вообще, это теперь твой огород, вот и сам думай, почему из-за забора лес не виден.

– А пчёлы...

– Пчёлы тоже твои! Поел?

– Нет ещё.

– Доедай и дымарь разжигай, пойдём знакомиться.

– А де он?

– В сарайке на полке стоял. И костюм с сеткой там же.

– Может...

– Не может. Собирайся, Андрюша.

От обилия новых впечатлений день тянулся и тянулся подобно школьному уроку в детстве, когда сорок пять минут кажутся вечностью, застывшей на стрелках часов. Полина Дмитриевна интонациями учительницы младших классов объясняла нерадивому ученику азы пчеловодства, и к собственному удивлению через какое-то время Андрей Михайлович научился отличать рабочую пчелу от трутня, уяснил разницу между сушью и вощиной, открытым и печатным расплодом, магазином и гнездовым корпусом, а полумесяцы свежезапечатанного мёда по верху рамок вообще привели его в восторг. Под конец практического занятия пчеловодство уже не казалось разновидностью колдовства, хотя вопросы остались.

– Завтра мне что с ними делать?

– Ничего?

– Почему?

– Потому что всё что нужно, мы сделали. Дней через десять с Вадиком опять приедем, ещё посмотрим.

– А потом?

– А потом ты освоишь теорию, и на основе заумного словоблудия придёшь к собственным методам. Не переживай, Андрюша, если ты их живыми до зимовки доведёшь, считай половина дела сделана.

– Мёд с воском когда у них забирать?

Полина Дмитриевна хмыкнула:

– Ещё и в зиму придётся закармливать. Но килограммов на пять с двух ульев можешь смело рассчитывать.

– Мёда или воска?

– Мёда, конечно. Про воск в первые пять лет вообще забудь, ты его только закупать будешь. Готовь денежки, старый пень.

– Он дорогой?

– Да уж не дешёвый.

Андрей Михайлович мысленно прикинул на чём можно сэкономить, и осторожно уточнил:

– Пенсии хватит?

– Даже останется. Я тебе потом телефончик магазина дам, где сама закупалась. И учи теорию, твою мать!

Вадим прятался от рассерженных вторжением пчёл со спиннингом на речке, но то ли клёв пропал, то ли азарт, но рыбалка ему надоела, и Кукушкин отважился подойти к ульям метров на сорок.

– Баба Поля, вы там долго ещё? – крикнул он с безопасного расстояния.

– Заканчиваем, а что?

– Выехать бы пораньше.

– Так поезжай, кто тебя держит?

– А ты останешься?

– Ах да, – спохватилась Полина Дмитриевна. – Совсем забыла, что теперь дачница, а не местная жительница. Всё, Андрюша, хватит на сегодня.

Вечер тоже получился долгим. Самарин отвёз племянника и его бабушку на Ниве к асфальту, где Вадим оставил свою машину, а на обратном пути целый час потратил на то, чтобы выбраться из глубокой залитой жидкой грязью колеи, куда влетел по недостатку опыта. Потрёпанному жизнью вазовскому якобы вездеходу не помог полный привод, что при лысой резине было ожидаемо, и пришлось вытаскивать её ручной лебёдкой, зацепившись за ближайшее дерево. Толстая берёза хранила ещё не заплывшие следы прошлых спасательных операций, и терпеливо снесла очередное издевательство.

Вернувшись, Андрей Михайлович долго отмывал сапоги, потом помылся сам, и подумал, что небольшая неторопливая прогулка перед сном станет удачным завершением насыщенного событиями дня. В лес, например, сходить можно за белыми грибами. Очень уж Полина Дмитриевна про них красиво рассказывала. До темноты часа три, в начале июня солнце садится поздно, так что вполне...

Самарин достал из рюкзака запасные сапоги – для сельской местности другой обуви он не признавал. Ботинки, они для города и для форса, даже если обозвать их берцами.

Там же в рюкзаке нашлись мазь от комаров, выцветшая армейская панاما и нож в кожаных ножнах. Не дело, конечно, охотничьим ножом грибы резать, но кухонный в лесу традиционно пролюбится военным способом, а этот висит себе на поясе и висит. Немного подумав, положил в карман куртки пистолет. Кабанов шугануть в самый раз будет. Опять же, после многомиллионной Москвы с её толпами отвык от одиночества, и осознание того факта, что до ближайших людей больше тридцати километров немного напрягает. С тэтэшником как-то спокойнее. Патронов, правда, всего тридцать штук.

Ещё немного подумав, Андрей Михайлович достал и ружьё. К нему патроны можно самому набивать и обходятся дешевле. В случае чего, всегда можно в магазине докупить. Это не старый пистолет, боеприпасы к которому проходят по соответствующей статье уголовного кодекса.

Телефон заряжен? Погодите, где, млять, телефон?

Тщательные поиски в машине и внимательный осмотр карманов ничего не дали. Но Самарин хорошо помнил, как положил телефон в нагрудный... Вот оно! Не застегнул пуговицу, и треклятая балалайка выпала в грязь в той колее. Теперь понятно, что там подозрительно булькнуло, когда цеплял трос лебёдки. И что делать? Да ничего сейчас не сделаешь, если только в Гороховец ехать за новым и там же восстановить симку. Но не сегодня.

Махнув рукой на внезапно появившуюся проблему, Андрей Михайлович затащил патронташ, повесил ружьё на плечо стволом вниз, и пошёл в сарайку искать корзинку для грибов. Вдруг и правда белые попадутся? В крайнем случае подберёзовики должны быть, хотя по местным меркам они и не грибы, а недоразумение восьмого сорта. Но для бывшего городского жителя и такие сойдут.

Лодочные ворота, те что в сторону старицы, опять открылись без проблем. А ведь сам видел, как снаружи они вросли в землю! И открываются они именно наружу.

Запах дыма и близкие крики.

– Что за херня?

Вчерашний туристический баркас с мачтой весело горел, а на берегу кипела настоящая рукопашная с применением холодного оружия. Десятка два мордovorотов в старинных кольчугах прижали к самой кромке воды трёх мужиков и мальчишку лет пяти-шести с явным намерением выпустить кишки блестящими в лучах садящегося солнца саблями. На то, что это вполне боевое оружие, прозрачно намекали лежащие на забрызганной кровью траве тела.

Туристы тоже с саблями, но без кольчуг, и один из них ранен, если судить, как он старается не нагружать левую ногу. Мальчишка сжимает нож. Шансов у туристов нет, просто сомнут толпой и затопчут.

– Мать вашу, стоять! – Андрей Михайлович сорвал двустволку с плеча и рванул к берегу.

Руки сами, независимо от сознания, переломили ружьё, левая зацепила из патронташа два патрона, где вместо стандартной волчьей картечи стальные шарики...

– Стоять, я сказал!

Один из туристов воспользовался моментом и в длинном выпаде ткнул отвлётшегося на крик громилу в пах. Тот успел заметить движение, но оказался недостаточно резвым – сабля резанула внутреннюю сторону бедра. А потом в окольчуженную спину влетела горсть стальных шариков.

Самарин не испытывал душевных страданий при стрельбе по живым людям. В начале недоброй памяти девяностых примерно такие же отморозки наехали на старшего прапорщика сначала с просьбой, а потом с требованием продать им что-нибудь стреляющее, вроде автоматов Калашникова или пистолетов Макарова. Лихие парни полагали, что у начальника любого армейского склада этого барахла как у дурака фантиков, и сам бог велит поделиться с хорошими людьми. Их потом так и не нашли, а хрюшки на свинокомплексе с удовольствием помянули несостоявшихся бандитов. Сюда бы тот автомат, что пришлось всю ночь чистить от нагара.

Переломить ружьё. Эжектор выталкивает дымящиеся гильзы. Еще два патрона в стволы, со щелчком встающие на место. Тридцать метров? Ближе и не нужно.

Крайний, и показавшийся самым опасным детина с рыжей бородой получил заряд в эту самую бороду и упал. Не так картинно, как в кино, но плевать... Выстрел!

– А-а-а!

Два туриста с воплем бросились в атаку, заставляя Андрея Михайловича материться. Куда, мля, стрелять?

Руки опять быстрее мысли. В патронташе справа НЗ на непредвиденный случай. Турбинки. Порох, правда, дымный, зато храниться могут чуть ли не вечно.

Выстрел! Пуля ударила прорывающегося к туристу с пацаном бандита в спину и бросила лицом на землю. Вторую отправил вдогонку не выдержавшим отстрела и бросившимся бежать отморозкам. Голова бежавшего последним взорвалась ошмётками от попадания приготовленной на медведя пули. Чёрт, высоко пошла, а вроде между лопаток целил.

Снова зарядить... Нет, не успел, бандиты уже скрылись в лесу, и через пару минут донёлся удаляющийся конский топот.

– Что за, нахер, средневековье?

Рука потянулась к карману за блистером с таблетками, но остановилась на половине пути. Как это? Ничего не болит?

Самарин сел на траву, положил рядом двустволку, и прикрыл глаза. Всё случившееся не укладывалось в голове. Каждое событие по отдельности – оно ясно и понятно, но вместе... Да, бандиты, да подстрелил. Это вопросов не вызывает. А кольчуги с саблями вызывают? А покойники с рублеными ранами? А отсутствовавший утром и горящий сейчас баркас? А берег вдруг ставшей широкой и полноводной старицы? Ответов нет.

Шаги послышались. Шаги нарочито громкие и предупреждающие, чтобы не подумал, будто кто-то подкрадывается. Это уже вежливость, что не может не радовать. Кто?

Старший из мнимых туристов, судя по всему. Второй помогает третьему перетянуть рану на ноге, разрезав штанину ножом. Мальчишка рядом с ними смотрит с опаской и угрюмым любопытством.

Старший, не значит старый. Молодой ещё парень с кучерявой и жидкой бородёнкой, что отращивают для солидности и чтобы казаться взрослее. Только не знавшая бритвы борода о том не подозревает и вырастает этаким посмешищем.

Парнишка поклонился, прижав руку к сердцу, и произнёс неожиданное, но вполне знакомое:

– Здрав будь, боярин! – и после короткой паузы. – Ты ли страж Беловодья?

Глава 3

– Раненого на диван! – Андрей Михайлович не был уверен, что гости знают это слово, и показал пальцем. – Сюда кладите.

И сам сел, вытерев панамой вспотевшее лицо. Устал...

Да и было от чего устать – сначала хоронили погибших бандитов, причём «туристы» обо-брали их до нитки, бросив в выкопанную неглубокую яму гольшом, потом своих. Тех уже честь по чести, в отдельных могилах, с почтением и короткой молитвой. После похорон бородастый парень до самой темноты нырял в том месте, где сторел баркас, в поисках чего-то явно очень ценного. Вылез мокрый, продрогший, но довольный, прижимая к груди небольшой железный сундучок.

– Мальца сюда положите! – мальчишка добрался до дома своим ходом, но стоило ему присесть, как тут же уснул. – И одеялом прикройте.

Бородастый молча поклонился, а Самарин всё не мог заставить себя подняться с табуретки и собрать немудрёный ужин. Где ещё разговаривать мужчинам, как не за накрытым столом?

Говор у гостей своеобразный, но вполне понятный. Примерно так же разговаривают в белорусском Полесье между Ясельдой и Припятью, где в каждой деревне свой диалект, отличающийся от других лишь количеством употребляемых польских слов. Пришлось там послужить пару лет в молодости, вот и наслушался. Переводчик тут явно не нужен.

Но эти из Москвы. И да, из натурального средневековья.

История их тоже в духе времени. И дело было так...

Великий Князь Московский затеял очередную войну с татарами, но был нещадно бит в месте с войском и попал в плен. Дело-то, в принципе, житейское, и вопрос стоит только в сумме и сроках выкупа – татары не идиоты, и в смысле финансов вполне прошаренные типы. Выкуп заплатили, Василий Васильевич вернулся домой, но тут возмутился его родственник Дмитрий Юрьевич, награвший великокняжеский престол собственной задницей. Также не дурак – власть за просто так отдавать.

Так что Василия Васильевича из правителей скоропостижно разжаловали, да отправили с чадами и домочадцами в славный город Углич, ещё не ставший малой родиной Дедушки Мороза. В суматохе верные законной власти люди отбили у узурпатора княжича Тимофея Васильевича, с благородной целью укрыть одного от злокозненных покушений Дмитрия Юрьевича в Нижнем Новгороде, недавно отбитом у жадных татаровей, а ежели там не примут, то в не менее славном городе Муроме.

И всё бы было замечательно, если бы не вспыхнувший в ночи огонёк, напомнивший о старинной легенде, будто есть в этих местах ворота в дивную страну Беловодье, где люди живут без забот и печалей, где нет войн, а рожь на полях родит сам-двадцать. И не только легенды ходили, но и верные признаки существования той страны.

Огонёк вспыхнул, и боярин Телепнёв решил задержаться, чтобы поискать те ворота. Это и сгубило – догнала посланная посуху верхами погоня. Восьмеро было в той лодье, не считая княжича Тимофея, да живи только втроем остались.

Андрей Михайлович вздохнул, вспоминая ночную сигарету и щелчок зажигалки, но промолчал. Винить себя ему не в чем – в его прошлом наверняка случилось то же самое, да и княжича скорее всего пустили под нож. История не знает Великого Князя Московского Тимофея Васильевича. Но слухи о Беловодье заинтересовали, и стоили того, чтобы расспросить подробнее. Юный бородач, представившийся князьим воем Дионисием, рассказывал многословно и велеречиво, но Самарин уяснил суть.

Несколько лет подряд на московский торг с этих мест привозили невиданной прочности сталь, называемую здесь укладом, а три года назад – дивные пилы, что с лёгкостью берут дубовые брёвна, да два топора, способные перерубить саблю персидской работы. По расспросам купцов выяснили место, где якобы открываются ворота в неведомую страну, но исключительно для людей безгрешных, живущих трудами праведными.

– Сходится, – кивнул Андрей Михайлович. – Полина Дмитриевна про бомжей рассказывала.

Разумеется, Дионисий не верил в праведность побывавших здесь полуразбойников-полубродяг, впоследствии продавших драгоценный уклад и чудесные топоры. Свезло им. А не свезёт ли так ему? И попросил с надеждой:

– Продай нам железо, боярин.

– С херов ли я боярин? – отказался от самозванства Самарин. – Почему так решил?

– Простого воина начальным человеком на пограничную заставу отправить можно, – согласился Дионисий. – Но в Беловодье простых нет.

– А какие тут есть? Что же сразу князем не зовёшь?

Дионисий пояснил. С его слов выходило, что князей на Руси видимо-невидимо, особенно каких-то удельных, а бояре товар редкий и штучный. Причём не каждый князь может боярином стать из-за худородности. Пояснение Самарина запутало и озадачило, особенно после упоминания Литвы, где князья чуть ли не под каждым кустом и на любой кочке. С Литвой, кстати, постоянно воюют. Да и не с ней одной.

Вообще Великое Княжество Московское находится в состоянии перманентной войны. С той же Литвой, с Казанью, с какой-то непонятной Большой Ордой, с Тверью, изредка с Рязанью. Даже с Нижним Новгородом, у которого в давние времена отжали ярлык на великое княжение, за что обиженные нижегородцы однажды сожгли и разграбили Москву, удачно свалив вину на татарского хана Тохтамыша. Ушлые, однако, товарищи...

– А железо, боярин? – напомнил Дионисий и придвинул к Самарину выловленный со дня сундучок.

– Я подумаю, – ответил Андрей Михайлович.

Время на подумать у него было. Гостям из-за сгоревшего баркаса не на чем продолжать путешествие и придётся ждать okazji в виде проплывающих по Клязьме купцов. К большому удивлению, именно Клязьма служит оживлённым торговым путём между Москвой, Нижним Новгородом, а так же дальше, до Казани и Каспия. По Оке слишком опасно – то татары на отмелях прихватят, то мордовцы на лёгких лодках засаду устроят. Дюжиной лодий с надёжной судовой ратью пройти не проблема, а вот в одиночестве соваться не стоит. Сколько таких храбрецов сгнуло без вести, что и не сосчитать.

Опять же, гости вынуждены задержаться до выздоровления раненого. Порез на ноге не опасный для двадцать первого века, но в условиях дикого средневековья вопрос излечения становится похож на лотерею с шансами пятьдесят на пятьдесят. По-хорошему бы Вадима вызвать, но чёртов телефон так не вовремя утонул!

Второй княжий дружинник, тот что помоложе и вообще без бороды, подтолкнул сундучок ещё ближе к Самарину:

– Не сомневайся, боярин, казна есть. Честным серебром заплатим.

– Да я и не сомневаюсь, Ефим, – улыбнулся Андрей Михайлович, откидывая крышку сундучка. – М-да...

Нужно было сомневаться. Как-то сразу не сообразил, что в Российской Федерации начала двадцать первого века не в ходу вытертые чешуйки из потемневшего низкопробного серебра, и желтеющие среди них немногочисленные золотые монеты. И те и другие вызовут интерес разве что у нумизматов и антикваров, да и то если повезёт выйти на честного, что само по себе сравни фантастике.

– Там самоцветы ещё, – Дионисий разгрёб причудливое разнообразие серебряных чешуек. – И жемчуг речной.

В камнях Самарин не разбирался вообще, но здравый смысл подсказывал не связываться с драгоценностями сомнительной стоимости. Жемчуг этот можно просто выбросить, а с остальным... Или наживёшь неприятности на пятую точку, или станешь посмешищем с грубо обработанными стекляшками. Или всё вместе одновременно, что Андрея Михайловича не устраивало ещё больше.

Он поднял голову, молча уставился на люстру, и надолго замолчал.

Дионисий с Ефимом проследили за взглядом и одновременно огорчённо вздохнули. Нашли кому предлагать самоцветы... За ту красоту, что на потолке висит, можно купить половину Москвы или Владимир вместе с Суздалем в придачу. Дивной красоты камня искрятся множеством граней в белом свете явно волшебного происхождения шаров размером с детский кулачок.

– И много вам нужно? – Наконец-то оторвался от созерцания китайского ширпотреба Самарин.

– А сколько есть? – торопливый Ефим получил подзатыльник от старшего товарища и поправился. – А на сколько этого серебра хватит?

Андрей Михайлович решительно захлопнул крышку сундучка:

– С утра что-нибудь наберу в подарок. А в следующий раз договоримся.

Утром Дионисий с горящими глазами смотрел на всё увеличивающуюся кучу разнообразного металлического хлама. Обрезки водопроводных труб, слегка погнутый пожарный багор, куски строительной арматуры, двухметровая рельса от узкоколейки, неведомыми путями попавшая в Любимовку, велосипедная рама без руля, сиденья, педалей, но с передним колесом. А боярин Андрей Михайлович выносил из сарая новые и новые сокровища, заодно называя их и объясняя назначение. Ничего не понятно, но звучит чарующим пением херувимов господних.

Самым последним и самым ценным на взгляд гостей подарком, оказался пакет рессор от «Москвича». Зачем Полина Дмитриевна вообще его хранила, Самарин не знал, но подозревал, что хозяйственная бабушка ничего и никогда не выбрасывала. Подозрение подтверждалось наличием двух десятков ржавых и дырявых вёдер, несколькими корзинами без дна и ручек, и жемчужиной коллекции – перекосившимся сервантом с треснувшими зеркалами на задней стенке.

Заглянувший в сарай Ефим перекрестился на шедевр советской мебельной промышленности, и с робкой надеждой спросил:

– Это тоже нам?

– Забирайте, всё равно выкидывать.

Затем Самарин наблюдал, как гости с радостным щенячьим повизгиванием осторожно разбирают сервант по дощечкам и едва не облизывают зеркала.

– Нахер вам эта дрянь? – не удержался он от вопроса.

– Да это же... Это... – Дионисий аж задохнулся от восторга, но сумел взять себя в руки и объяснил.

По его словам выходило, что зеркала являются большей ценностью, чем уклад и уж тем более простое железо. За них золотом платят по весу, а если зеркало размером в две ладони и выше, то и два веса дают.

– Да ладно? – усомнился Андрей Михайлович. – За обыкновенное стекло?

– Стекло обыкновенным не бывает, – Дионисий покосился на окна дома и уточнил. – У нас не бывает.

– Погоди, – вспомнил кое-что Самарин и пошёл копаться в так и не разобранных до конца рюкзаках и сумках. Вернулся минут через десять, и протянул коробку из обычного серого картона. – Вот ещё подарок.

Кто хоть раз ездил из Москвы на восток и обратно железной дорогой, тот наверняка встречался с атакующими проходящие поезда коробейниками из Гуся Хрустального. То ли им зарплату выдают продукцией стекольного завода, то ли сами наловчились в домашних мастерских, но навязчивые продавцы вцепляются в жертву намертво, и даже угроза физического насилия не заставит их разомкнуть стиснутые на чужом кошельке челюсти. Злые языки поговаривают, будто ассортимент коробейников щедро разбавлен поделками доброго дядюшки Ляо или дедушки Фыня, но это клевета и наветы, распространяемые пассажирами следующих без остановок «Сапанов». Приличные люди слухам не верят. Так что будь ты законченным циником или мизантропом, имей ты самую угрожающую уголовную морду... ты всё равно неожиданно для себя станешь счастливым обладателем набора хрустальных пепельниц, цветных бокалов из тонкого стекла, салатницы размером с казан для плова, коробки с гранёными стаканами, и прочего, что только производят трудолюбивые руки и буйная фантазия местного населения. Если проявить недюжинную силу воли, то покупка будет всего одна, но стоит дать слабину...

Андрей Михайлович был человеком волевым, потому у него пылилась одна коробка с подарочным набором из двенадцати бокалов.

Ефим взял коробку, осторожно заглянул внутрь, и едва не уронил её из-за внезапно задрожавших рук:

– Господи, это нам?

Дионисий перехватил ценный подарок, тоже заглянул, и заорал мощным басом:

– В Нижнем Новгороде генуэзцев наймём!

– Да, – согласился его товарищ. – Шемяке пиздец!

Андрей Михайлович мысленно пообещал себе следить за речью, чтобы впредь не похабить первозданную чистоту русского языка, а потом переспросил:

– Какие генуэзцы? Где Волга, а где Генуя...

– Они везде, – с неожиданной злостью сплюнул Ефим. – Как тараканы.

Из объяснений Самарин узнал, что Нижний Новгород, как город пограничный, издавна является прибежищем и местом сбора лихих людишек, начиная от регулярно грабящих Орду ушкуйников, до европейских наёмников из крымских колоний Генуи, продающих свои мечи хоть Папе Римскому, буде тот сюда заявится, хоть богдыхану из далёкой страны Мин. Или Цин, что одно и то же. На кривых и крутых улочках легко можно встретить приплывшего с персиянами арапа, чёрного ликом и охочего до баб, шамаханских кызылбашей с крашеными бородами, охотников вотяков с мешками соболей да куниц, мордовцев с бочонками мёда и воском...

– Воск! – вспомнил Самарин про слова Полины Дмитриевны. – За уклад буду брать воском.

А что, вполне ликвидный и безопасный товар, который не вызовет излишних вопросов и не привлечёт ненужное внимание. Происхождение золотых и серебряных монет нужно как-то залегендировать, а продукты пчеловодства до сих пор не вызывают жадного взгляда со стороны налоговых органов. Вроде как с убогих и нищих пасечников и взять-то нечего.

– Привезём, – кивнул Дионисий. – Много ли нужно?

– Сколько найдёте, столько и везите. Всё возьму.

– Добро, боярин, будет воск, – Дионисий протянул руку. – Обещаю.

– Вот и славно, – Самарин подтвердил договор крепким рукопожатием. – А теперь после трудов праведных предлагаю перекусить.

– А железо с укладом?

– Куда оно денется?

Андрей Михайлович чистил картошку под внимательными взглядами гостей. На кухню приковылял даже хромающий Лаврентий, сопровождаемый юным княжичем. Любопытный Тимофей сразу попробовал сырую картофелину на зуб, обиделся, долго плевался, и едва не заплакал, обманутый в ожиданиях.

– Сейчас пожарю на сале с луком, тогда и пробу снимешь, – успокоил ребёнка Самарин. – Вы такого ещё не едали.

– Как зовется сей плод? – спросил Ефим.

– Картошка, она же земляное яблоко. Вкусно, полезно, питательно. Некоторые болезни излечивает, но не помню какие. Ну уж если под водочку, да с солёным огурчиком, с груздочками, так вообще песня!

– Где такая растёт? Только в Беловодье, или как?

– Везде, – пожал плечами Самарин. – Сейчас уже поздно сажать, а на следующий год могу на пробу пару мешков презентовать.

– Что с мешками сделать?

– Продать, – пояснил сообразительный Лаврентий.

– Да, как-то так, – согласился Андрей Михайлович, и взял пьезозажигалку.

Газовую плиту гости видели ещё вчера, но маленький княжич испугался, когда из железного пальца удивительного боярина выскочила искра и зажгла на большом белом сундуке светящуюся синим огнём корону. Самарин заметил испуг, и в утешение протянул кусок сахара.

– Попробуй.

Мальчик отправил угощение в рот и поблагодарил невнятно:

– Спаси ты бох, болярин.

– Заговорил! Что же ты, Тимофей, такой молчаливый?

– Иван, – поправил княжич. – Ваня я.

– Не понял... А кто тогда Тимофей?

Дионисий смущённо кашлянул:

– Тимофей он для своих. Родовое имя.

– А Иван?

– Это уже по святцам для всех остальных.

Конечно, Андрею Михайловичу немного польстило, что его сразу восприняли как своего. Но и вопросов прибавилось. Получается, что княжич Иван Васильевич, это будущий царь Иван Грозный? Бабушка у него ещё вроде бы из Греции? Нет, из Византии, мать её за ногу. И зовут бабушку..?

– А бабушка у него Софья?

– Софья Витовтовна, – кивнул Дионисий. – Великого Князя Витовта дочь.

– Так Василий Васильевич на Москве Великим князем?

– Витовт в Литве.

Не сходится. Хотя она вполне может быть из Литвы по отцу, а гречанкой по матери. Византийкой, то есть. Нужно будет вечером в интернете уточнить. Или чёрт с ней, с этой бабушкой? Предки сами разберутся кто есть кто, а Андрей Михайлович во все эти дела влезать не собирается. Так, заработать чуток, и довольно.

Тем временем картошка пожарилась, и Самарин поставил сковородку на стол. Рядом – запотевшая бутылка вишнёвой наливки из холодильника, бутылка перцовки на меду, и бутылка крымского муската. Внезапно улучшившееся здоровье настойчиво требовало проверить его на прочность.

Над вечерней Клязьмой гремела разудалая песня. Осторожная рысь, выглянувшая из леса на запах шашлыков и запечённой в углях картошки, с большим удивлением разглядывала беспечных двуногих. Обычно они тихие и незаметные, пугающиеся малейшего шороха в кустах, а если и шумят, то с почтением и опаской. Или когда соберутся в стаю, оденутся в железо, возьмут в руки острые палки... тогда да, тогда двуногие храбрые. А эти почему орут?

Живёт у чёрта старого,
Как в клетке золотой,
Наряжена, как куколка,
С распущенной косой.
Напала мысль злодейская,
Впотьмах нашёл топор,
Простился с отцом, матерью,
Сам вышел через двор.

– Ой! – Ефим, размахивая руками, опрокинул стакан с вишнёвой наливкой. – Прости, боярин, песню твою прервал.

– Ерунда, – помотал головой Андрей Михайлович. – Я их много знаю.

– Про то, как князь Владимир Мономах печенегов разгромил ещё раз спой! – попросил Лаврентий, по причине ранения сидящий не на траве, а в ярко-красном пластиковом кресле из уличного кафе. – Душевная песня.

– Не помню такой. Про печенегов вообще не пел.

– Так это... как там? Пусть бегут неуклюже печенеги по лужам...

– Другую спую, ещё лучше, – отмахнулся Андрей Михайлович, и мощно грянул:

Горит в сердцах у нас любовь к земле родимой,
Идем мы в смертный бой за честь родной страны.
Пылают города, охваченные дымом,
Гремит в седых лесах суровый бог войны.

Артиллеристы, Сталин дал приказ!
Артиллеристы, зовёт Отчизна нас!
Из сотен тысяч батарей
За слезы наших матерей,
За нашу Родину – огонь, огонь!

Узнай, родная мать, узнай жена-подруга,
Узнай, далекий дом и вся моя семья,
Что бьет и жжет врага стальная наша выюга,
Что волю мы несем в родимые края!

– Это про кого песня? – с подозрением прищурился Лаврентий. – Артиллеристов не знаю.

– Пушкарей знаешь? Огненным боем воюют.

– Этих знаю. У нас на Москве тюфяки есть, что дробом палят, и две ломовые пищали. У них ядра каменные больше моей головы. Палят страсть как часто, иной раз по пять раз в день.

– Мощно, – одобрил Андрей Михайлович. Он почти всю службу просидел на складе, но с гордостью носил на петлицах и погонах перекрещенные пушки, и в глубине души испытывал слабость к большим калибрам. – Мощно, но мало.

– Чего мало?

– Пушек мало.

– А где же меди взять, боярин? – вмешался Дионисий. – Олово тоже из-за моря привозят. Какие уж там пищали, если бронзы на колокола не хватает?

– Железные делать не пробовали?

– Тюфяки как раз железные. И железа того уходит, что трём десяткам на добрые брони хватило бы. Нет у нас его. И знаешь, боярин, когда приходится выбирать... – Дионисий горько усмехнулся. – Вот приезжают на Москву немцы разные, хоть свейские, хоть данские, хоть аглицкие, да всё морду кривят. Дескать, в дикой Тартарии мастеров путных нет, и вообще людишки криворукие. А откуда мастерам взяться, коли работать не с чем?

– Совсем?

– Есть немного болотного железа, но так, слёзы. У нас ежели единственный топор сто-ченый на деревню есть, так уже за счастье. Сабли в бою гнутся... Охотники наконечники на стрелы из кости режут.

Андрей Михайлович начал понимать, почему его металлолом вызвал восторг и ажиотаж. Не понял одного – куда делись собственные железные руды? Где-то под Тулой должны быть месторождения, а в Выксе и Кулебаках, как в газетах писали, руду копали даже в подполе собственных домов, чтобы зимой не отогревать землю. Или сейчас там ещё не русские земли? Плохо когда не знал, да ещё забыл.

Впрочем, какое дело пенсионеру до средневековой географии?

– Ты, Дениска, на жалость не дави. Вот дам я тебе сталь, то есть уклад этот ваш, а ты его татарам же и продашь. Нужны будут деньги на войну с Дмитрием Юрьевичем, или как?

– Не продам, – упрямо мотнул головой Дионисий. – С голодухи буду помирать, а не продам. Зеркала только. А ещё есть?

– Их, значит, продавать можно?

– Миром, боярин, железо правит, а не блестящая херня.

Хм... обещал же себе за речью следить. Хорошие, однако, ученики.

– Железо, говоришь? Пищали, говоришь? А знаешь, Дениска, есть у меня мысль, и я её сейчас буду думать.

Глава 4

Оказия продолжить путь подвернулась гостям через четыре дня. Стародубский купец, чья расшива едва не черпала бортами воду, с превеликой охотой обменял болтающуюся за кормой лодку на трофейную кольчугу с дыркой от пули, и отсыпал горсточку серебра на сдачу. И, что самое характерное, он не задавал глупых вопросов ни о происхождении доспеха, ни о странном на вид повреждении. Мало ли... моль проела! А начнёшь расспрашивать, так следующему купцу твой товар недорого предложат. Меньше знаешь – дольше живёшь.

– Хорошая посуда, – Дионисий проводил отплывающего стародубца оценивающим взглядом и похлопал по смолёному борту лодки. – По течению да в четыре весла враз до Нижнего Новгорода добежим.

– Не потонет корыто? – Андрей Михайлович с сомнением посмотрел на гору упакованного в мешки из-под сахара железа. – Пудов двадцать будет.

Задорно торчащая рельса, которой упаковки не хватило, как бы намекала на ответ. На не совсем приличный ответ.

– Своя ноша не тянет, – хмыкнул Дионисий, и попросил который уж раз за сегодняшний день. – Тимофея сбереги, боярин. А мы быстро обернёмся.

Княжича после долгих раздумий и споров решили оставить у Андрея Михайловича. Кому доверять, если не боярину из древнего рода? Пусть Самарию давным-давно захватили сарацины, но про доброго самаритянина даже Иисус Христос рассказывал. И если хорошо подумать, то не об Андрее ли Михайловиче Спаситель речь вёл? Не просто так его в Беловодье взяли?

– Как обернётесь, так и обернётесь. Через неделю начнём ждать – каждый вечер ворота открывать буду. Ну и вы, если что, подождёте.

– Не сомневайся, боярин, вернёмся обязательно. И за доброту твою рассчитаемся сполна.

От современника это прозвучало бы двусмысленной угрозой, но тут в слова вложен единственный смысл. И благодарность за подарки с припасами.

Самарин не пожадничал и загрузил гостей от широты пенсионерской души. Ничего особенного, но три мешка набралось по мелочи. Тушёнка, крупы, соль, сахар, пакетики с красным и чёрным перцем, картошка... И моток плетёной лески с поводком и запасными воблерами. Бросай за корму, да вытаскивай экологически чистых щук, которых по нынешним временам вообще за рыбу не держат. Но в походе для экономии времени и они прекрасно пойдут в котелок.

Отдельным подарком, ценностью никак не меньше зеркал, была упаковка китайских одноразовых зажигалок из цветной пластмассы, тоже найденная в бездонных закромах Полины Дмитриевны. Бойкая бабушка отличалась завидной запасливостью, сравнимой с пресловутым Госрезервом.

Ещё у Самарина мелькнула бредовая мысль об огнестрельном оружии, но как мелькнула, так и пропала без следа – менять единственное ружьё на обещание поставок воска в будущем как-то расхотелось. Прогрессорство – путь в никуда. Так, во всяком случае, утверждали авторы прочитанной в юности книжки. Помните, где у главного героя нейлоновые трусы? Правильно, пусть там всё сопреет и отвалится – идиоты не должны размножаться.

– Дениска, – спросил Самарин, – может быть стоило с купчиной плыть?

– Зачем вводить человека в искушение? Мы бы завтра к утру раков кормить отправились, – не согласился Дионисий, и добавил с усмешкой. – Я бы отправил.

Андрей Михайлович комментировать особенности средневековой коммерции не стал.

– Ну что, присядем на дорожку?

На следующее утро после завтрака Самарин задумался. Хороводы вокруг незваных гостей из прошлого отвлекли от дел, и их накопилось немало. Во-первых, требовалось поставить Ниву на учёт, благо Полина Дмитриевна оставила подписанный договор купли-продажи за символическую сумму, во-вторых – оформить на машину страховку, в-третьих – купить новый мобильнику взамен утопленного в грязи. И заехать в продуктовый магазин, так как за эти дни холодильник изрядно опустел, а стратегические запасы на чёрный день ушли на подарки.

Княжича, опять же, приодеть по современной моде нужно, а то похож, прости хоссподи, на малолетнего низкобюджетного исторического реконструктора, или сектанта из так называемого экологического поселения. Нет, никто не удивится, если Тимофей пройдёт по Гороховцу в таком наряде, но посмеиваться будут, а сам Андрей Михайлович станет объектом осуждающих взглядов.

– А что, Тимофей свет Васильевич, а не прокатиться ли нам на железной колеснице?

– Хочу, – несмело улыбнулся мальчик. – Ты рассказывал про мороженое и шоколад!

Долго ли собираться в дорогу двум самостоятельным мужчинам, если им на двоих всего-то семьдесят пять лет? Минут десять, а то и меньше. Приняли решение, и поехали! И все сборы.

В машине княжич утратил обычную молчаливость и задумчивую сосредоточенность, и на Андрея Михайловича обрушился град вопросов, требующих немедленных ответов. И самый важный звучал так – может ли кесарь Беловодья помочь выгнать из Москвы злого Шемяку? И дорогу ли возьмёт за помощь? И что он может вообще?

Пришлось останавливаться и доставать из бардачка атлас автомобильных дорог СССР тысяча девятьсот восемьдесят пятого года выпуска, потрёпанный и промасленный, но сохранивший страницы.

– Смотри, Тимофей. Страна наша велика и обильна! Вот Москва, вот Гороховец, вот Нижний Новгород, а это вся страна. Мы твоего Шемяку как муху прихлопнем, – Андрей Михайлович покривил душой, так как не собирался вмешиваться во внутренние дела Великого Княжества Московского, и уж тем более привлекать к этому современную официальную власть.

– В Беловодье тоже есть Москва? – удивился мальчик. – А Шемяка не мой, он звенигородский. А Литва тут есть?

Самарин полистал атлас и открыл нужную страницу:

– Вот она.

Тимофей накрыл карту ладошкой:

– Маленькая какая. А Орда есть?

– Орды нет.

– Совсем-совсем?

– Давно уже кончилась та Орда.

– Правильно, – согласился княжич. – Я когда вырасту, тоже её воевать пойду. И Литву.

– А как же дедушка Витовт?

– Умер дедушка. Там Казимир сейчас, прикажу его на кол посадить.

– За что?

– Злой он. Почти как Шемяка.

– Понятно.

Покончив с политической географией, некоторое время ехали молча, и Самарин полностью сосредоточился на дороге. Скоро нормальный асфальт начнётся, а там уже ждут добрые люди с полосатыми палками.

И как сглазил! Только-только вырулил с боковой разбитой дороги на главную, так сразу же увидел стоящую на обочине машину в характерной окраске. И два удалых молодца по обе стороны. Оно не страшно, сроки регистрации позволяют ездить, но с какой-то суммой всё равно придётся расстаться. Мать их...

- Кто это? – спросил Тимофей, заметивший недовольную гримасу Самарина.
- Мытари, – объяснил Андрей Михайлович понятным княжичу термином.

Но к великому удивлению, гаишники, они же гибэдэдэшники, при виде ржавой белой Нивы не только утратили интерес к дорожному движению, но и демонстративно попрятались в придорожные кусты. Странное поведение... Так-то трасса от Гороховца до Павлова через Тумботино служит прекрасными охотничьими угодьями, а многочисленные любители пробираться по лесам будучи под мухой – великолепной кормовой базой, питающей уже не первое поколение автоинспекторов.

И такое любопытство разобрало, что остановился перед «Фордом» с голубыми владимирскими номерами, опустил стекло и посигналил. Из ближайших кустов выглянула румяная физиономия, но которой озабоченность быстро сменялась выражением явного морального облегчения.

- А где бабуля? – гаишник недоверчиво осмотрел Ниву. – Это её машина.
- Теперь моя.
- Точно?

– Могу договор показать, как раз еду на учёт ставить. А Полина Дмитриевна сейчас в Москве живёт.

- Правда? – во взгляде полицейского читалось недоверие. – А дом?
- Теперь я там живу.

Гаишник хлопнул в ладоши в непонятной радости, и крикнул на противоположную сторону:

- Лёха, вылезай, отбой тревоги!

Подошедший лейтенант Лёша тоже сразу не поверил, посмотрел договор купли-продажи машины, задал уточняющие вопросы, а потом пояснил, что Полина Дмитриевна давно служила источником неприятностей и персонажем кошмарных снов наяву, терроризируя всех скандалами с личным участием и жалобами в вышестоящие инстанции. Во всяком случае, начальник областного управления ГИБДД неоднократно взбодрился районный отдел разносами по телефону именно по этому поводу. Более того, два года назад бабушка открыла целенаправленную охоту на дорожные патрули, фиксируя разговоры на скрытую камеру.

- А вы?

– А что мы? – развёл руками Лёша. – Она же сразу в драку бросается. Психическая, наверное...

- Дела... Но я спокойный.
- Это мы поняли. Мы передадим, чтобы вас не останавливали.
- Да я как-то...

– Не беспокойтесь, Андрей Михайлович, вас никогда не будут останавливать! – лейтенант Лёша козырнул и щёлкнул каблуками ботинок. – Счастливого пути! Будьте внимательны на дороге!

(От автора: Книга, конечно, фантастическая, но история с бабкой и гаишниками была в реальности. В другой, правда, области, но была.)

Визит в районный отдел ГИБДД занят всего пятнадцать минут, включая оформление страхового полиса прямо в кабинете местного начальника. Андрей Михайлович поначалу заподозрил, что нужные люди с соответствующими печатями уже ожидали его на низком старте. Потом всё же отбросил мысль как бредовую – не настолько же зловещая репутация у Полины Дмитриевны, чтобы всерьёз радоваться избавлению от неё?

После решения бумажных дел посетили магазин детской одежды. Разумеется, это был наилучший во всём Беловодье магазин, уютно расположившийся в подвале старого полукаменного дома на углу улиц Московской и Гагарина. И мороженое в кафешке, из-за чего при-

шлось покупать в автомагазине работающий от прикуривателя холодильник и забивать его под завязку. Впрочем, вещь в хозяйстве нужная. Это без телефона можно обойтись, а без холодильника летом в машине...

Кстати, о телефонах!

– Дядя Андрей, что за херня? – вызов от племянника пришёл сразу же, как в новый мобильник вставили симку. – Ты куда пропал?

– Я не пропал, я сосредотачивался, – ответил Самарин, решивший пока не говорить родственникам о воротах в прошлое. – У меня всё в порядке. И вот что, Вадим, если ко мне поедешь, захвати, пожалуйста, рельсу. Метра два хватит, можно мелкими кусками, чтобы в багажник влезла.

– Где я тебе её возьму? – опешил от неожиданной просьбы Кукушкин.

– Не знаю, но ты постарайся.

– Зачем она тебе?

– Очень нужно. Миром, Вадик, правит железо.

– Да пусть правит, – согласился племянник. – Но везти металлолом за триста километров...

– Металлолом, говоришь? – обрадовался Андрей Михайлович. – Вадим, ты гений, и с меня по приезду бутылка.

– Завтра вечером выезжаем с Полиной Дмитриевной, а послезавтра с утра будем разбираться и с тобой и с бутылкой.

– Давай, Вадик, без угроз, – засмеялся Самарин. – Кстати, а где сейчас можно сделать прививку от оспы?

– Ещё и оспа? – ужаснулся племянник. – Дядя Андрей, ты во Владимирской области, а не в Новой Гвинее. Какая, нахер, оспа? Выезжаем сегодня же!

На этой радостной ноте разговор закончился, но Андрей Михайлович ещё долго молча стоял с телефоном в руке. С одной стороны, очень приятно, когда родственники не забывают и беспокоятся о твоём здоровье, но с другой... Вадим сейчас на старческий маразм намекал?

Огорчённый этой мыслью, Самарин не сразу сообразил, что уже несколько минут невидящим взглядом смотрит на вывеску на противоположной стороне улицы.

«Приём лома. Правильный цена»

– А что, Тимофей, заглянем в сокровищницу?

Приёмщик в пункте приёма металлолома оживился, увидев седого деда в потёртом камуфляже и выцветшей армейской панаме. Это самые лучшие клиенты, их посылает сам Всевышний, к которому прибегают от побиваемого камнями шайтана. Такие вот деревенские и дачные рукодельники хоть и торгуются за каждую копейку, но прибыль приносят солидную. Вот, скажем, притащили алкаши бочку железную, получили за неё сто рублей, а тот же дачник готов выложить пятьсот, да ещё спасибо скажет. Хорошо идут обрезки арматуры, сдаваемые работягами с соседней стройки. Короткие кусочки, но для фундамента бани или дачного домика – ценный материал. Вчера такой же дедушка гирию купил на тридцать два килограмма, чтобы как груз в кадучке с солёными грибами использовать. Хорошие люди, храни их Аллах!

Поэтому Фахруддин расплылся в самой приветливой улыбке:

– Что ищити, уважаемый? Есть плита чугуний из два канфорка. Люччий печка будит, люччи тандыр!

– Нет, мне чугунная плита без надобности, – отказался Андрей Михайлович. – Сталь хорошая есть?

– У Фахруддина люччий сталь есть! Бочка балшой из хароший стал есть. Дожжик пайдёт – многа вода будит. Толстий-толстий стал. Милиметра и ешё многа.

– Бочки тоже нахер. Нужно что-то приличное.

Трудные слова вроде «легиrowание», «марганец» и «молибден» Самарин по понятным причинам употреблять не стал, поэтому очень удивился, когда приёмщик металлолома погасил улыбку и ответил без всякого акцента:

– Так вам для поделок?

– Ну... вроде как для них.

– Могу предложить 30ХГСА, если это о чём-то вам говорит. Берут для изготовления качественных реплик холодного оружия. Там, правда, толстостенная труба трёхдюймовка, но вообще-то рекомендую.

– Откуда такие познания?

Приёмщик опять улыбнулся:

– Московский институт стали и сплавов. В родном кишлаке работы нет, а здесь вроде как по специальности устроился. Трубы показывать?

– Показывай.

– Позавчера две штуки по пять метров привезли, – объяснял на ходу Фахруддин. – Но дешёво не отдам.

– Сам по червонцу брал?

– По двенадцать. Но у нас забирают уже по тридцать за кило, а новые они больше штуки баксов за тонну. Мои новые.

– Андрей Михайлович прикинул финансы и покачал головой:

– Дорого.

– Отобьёте стоимость с первых же двух поделок. Реконструкторы с руками оторвут. Вот, кстати, трубы.

Трубы впечатляли. Где, интересно, применяют бесшовные трубы с толщиной стенки в пять сантиметров? Если только... А вот это хорошая мысль!

– Сколько в них весу?

– Сменщик принимал, сейчас в журнале посмотрю.

– А если из журнала вычеркнуть, и за сто баксов?

– Триста!

– С доставкой за сорок километров?

– Камаз увезёт, но за триста пятьдесят.

– Хорошо, уговорил на триста, но там ещё шесть километров грунтошки по лесу.

– Он полноприводный с Мулинского полигона.

– Вояки?

– Они самые. Так что с вас триста долларов, адрес, и три бутылки коньяка водителю.

– В моё время водкой обходились.

– Контрактники же, что вы хотите?

– Да, куда катится мир...

– А деньги, значит...

– Деньги сразу после доставки.

– В рублях по курсу?

– И даже переводом на карту.

– Умеете вы уговаривать, уважаемый.

Распрошавшись с приёмщиком, Андрей Михайлович вернулся к машине и укрыл уснувшего на сиденье княжича курткой. Перемазанное шоколадной глазурью лицо мальчика выражало полнейшее и ничем не замутнённое счастье. Где-то там за воротами Беловодья остались заботы и тревоги, остался злой Шемяка, остался страх. Они ещё появятся, но потом. Пока же мальчик просто спал на сиденье старой ржавой Нивы, этой волшебной колесницы, что привезёт его в прекрасное будущее.

Ну а Самарин вдруг вспомнил, что всегда мечтал заняться сельским хозяйством. Стало быть, необходимо срочно закупить удобрения и средства от вредителей. Недорогие и надёжные, проверенные временем – селитру и серные шашки. Дачник он в конце концов, или погулять вышел?

Мысль о простейших составляющих обычного чёрного пороха крутилась в голове со вчерашнего дня, а сегодня, после того как увидел толстостенные трубы, она оформилась окончательно. К чертям медь и бронзу, при нынешних ценах на цветные металлы нужно быть не пенсионером, а олигархом. И вес имеет значение, что для орудия поля боя чуть ли не самое главное. Стальную трёхдюймовку можно катить силами расчёта, только лафет путный сделать, но попробуй сдвинуть с места бронзовую дуру в несколько тонн весом.

Кстати, порох и артиллерия будут считаться серьёзным вмешательством в прошлое, или ещё нет? Вообще-то гости из средневековья рассказывали, что у них на Москве есть пушки, значит не особенно и вмешивается в судьбу предков. Пушкой больше, пушкой меньше... И вообще это можно назвать защитой инвестиций!

В магазине «Садоводство» нашлась селитра трёх видов, аммиачная, калиевая и кальциевая. Пришлось лезть в интернет за помощью в выборе нужной. А на вопрос про серные шашки крупногабаритная продавщица уточнила:

- Вам теплицу окуривать, или растения опрыскивать?
- Есть разница?

Снисходительная улыбка уничтожила Андрея Михайловича морально, но последующие пояснения того стоили:

– Для окуривания не сезон, серные шашки только осенью, поэтому возьмите чистую серу в мешке.

- Разве в шашках не чистая?
- Тридцать процентов примесей и вспомогательных веществ.

Самарин подумал и решил, что чистота ингредиентов никогда не вредила экспериментам, и согласился:

- Да, пожалуй мешков пять возьму.
- Скока-скока?
- У меня участок больше семидесяти соток.
- Тогда берите восемь, чтобы два раза не ездить.

Дополнительно Андрей Михайлович стал счастливым обладателем шести топоров, трёх двуручных пил под народным названием Дружба-2, и трёх ножовок по металлу с тридцатью запасными полотнами. Взял бы ещё, но в провинциальных магазинчиках не делают больших запасов, предпочитая разнообразие ассортимента, а не объёмы. Заинтересованная продавщица усиленно строила глазки пожилому, но хозяйственному и в чём-то даже симпатичному покупателю, и Самарину пришлось даже попросить у неё номер телефона. Нет, звонить он не собирался, но зачем огорчать невниманием хорошего человека, уже лет тридцать надеющегося на чудо? Ага, лет тридцать после окончания школы, если не больше.

От былой снисходительности не осталось и следа, и польщённая вниманием и парой комплиментов мадмуазель наконец-то представилась томным голосом:

- Меня Валентиной зовут. Можно просто Валея.
- Красивое имя. А я Андрей Михайлович.

Валя якобы эротично прогнулась, показывая рукой на полки с товаром:

– Чувствуется в вас, Андрей Михайлович, крепкий хозяин. А вот есть ли в вашем хозяйстве хорошая дрель?

– Есть две штуки. И шуруповёрт тоже есть.

– А ручные дрели? Те самые, что зажимают крепкое сверло надёжными кулачками, и крутят... крутят... крутят...

– И что вы можете предложить?

– Всё! – горячо выдохнула Валентина. – Весь ассортимент моего... хм... магазина в вашем распоряжении, Андрей Михайлович.

– Я это запомню, – пообещал Самарин, и оглянулся в поиске путей для отступления. Всё же возраст немного не тот, да и вообще...

Но дрели пришлось купить. Три штуки. И коловорот. И восемь наборов по двадцать четыре сверла.

– Вот ещё напильники хорошие, – облизнула пухлые губы Валентина. – Смотрите какие толстые и крепкие рукоятки! Как только представлю, что беру их в руки и пот эдак провожу по металлу... Медленно провожу по металлу... Туда-сюда, туда-сюда. А деталь зажимаю в тиски. Вам не нужны тиски? Слесарные, разумеется. Винт из закалённой стали и широкие губки! Они способны удержать любую деталь, увеличивая производительность труда в несколько раз!

Самарин достал платок и промокнул внезапно выступивший на лбу пот:

– Валентина, у меня на тиски денег не хватит.

– Возьмите бесплатно, Андрей Михайлович. Считайте это рекламной акцией.

– Я подумаю, Валечка. Нужно подготовиться.

– Морально?

– Ну что вы, Валечка, морально я уже готов, но хороший инструмент лучше всего проверять в мастерской. В хорошо оборудованной мастерской.

– Ах, Андрей Михайлович, вы такой мастеровитый и хозяйственный! Вам помочь донести покупки до машины? Вы ведь на своей машине?

Не дожидаясь ответа, Валентина подхватила два двадцатипятикилограммовых мешка с серой и, изящно покачивая бёдрами, пошла к выходу. Самарин взял только один мешок и поспешил следом. Не испугался бы спросонья княжич при виде такой вот валькирии.

– Которая ваша? – Валя остановила оценивающий взгляд на новенькой «Субару Форестер», припаркованной точно напротив двери.

– Чуть дальше, вон та беленькая, – показал Андрей Михайлович, в глубине души надеясь, что неказистый вид его средства передвижения умерит пыл любительницы слесарного инструмента. – У меня Нива.

Надежды не оправдались – в деревнях и маленьких городках человек, способный поддерживать в рабочем состоянии всегда ломающееся и прожорливое чудовищное изобретение вазовских умельцев, по умолчанию считается состоятельным.

– Ах, Андрей Михайлович, как я люблю полный привод, если бы вы знали!

– Я как бы тоже...

– Мы с вами родственные души, не находите?

От скрежета открываемой задней двери проснулся Тимофей и выглянул из-за спинки.

– Внук?

– Пожалуй что и внук, – согласился Самарин.

– А бабушка у него есть? – насторожилась Валентина.

– Она с нами не живёт, – успокоил её Андрей Михайлович. – Причём уже давно.

Валя кивнула каким-то своим мыслям и предложила:

– Вы внука пока умойте, а я сама всё перетаскаю. Хорошо?

– Я всё-таки мужчина...

– В мастерской вы это мне и докажете, Андрей Михайлович, – Валентина решительно пресекла попытку отказаться от помощи. – Мы договорились?

– Я позвоню. Я обязательно позвоню, – ответил Самарин, и добавил тихим шёпотом, чтобы никто не услышал. – Когда-нибудь потом.

Глава 5

К приезду племянника и Полины Дмитриевны, ожидающемуся рано утром, Самарин решил привести к приличному виду хотя бы лужайку перед домом. Начал готовиться вечером, для чего тщательно по инструкции из интернета отбил найденную в сарае литовку. Правда, косить траву Андрей Михайлович не умел и даже никогда не пробовал это делать, но не боги горшки обжигают! Что там уметь, размахивайся только пошире, да время от времени поправляй заточку брусочком. Фигня делов...

– Сейчас мы с тобой, Тимофей, быстренько тут управимся, – несколько самонадеянно пообещал он наблюдающему за приготовлениями княжичу. – До темноты ещё долго.

И с первого же взмаха засадил острый кончик косы в створку ворот. Насквозь толстую доску не пробил, но вытащить получилось не сразу. Но справился.

– Мать вашу! – второй взмах пришёлся по спрятавшемуся в траве муравейнику, из-за чего тот буквально взорвался. – Понастроили тут...

Потом Андрей Михайлович подумал и решил, что укос следует начинать с края, чтобы скошенная трава не мешала следующему проходу. То есть, со стороны дороги.

– Бдзынь! – возмутилась литовка, налетевшая на щебёнку деревенской улицы.

– Мать... – эхом ответил Самарин при виде высеченных из камня искр. – Вот где у этой косы моторчик?

Тимофей с любопытством спросил:

– А что такое моторчик?

Андрей Михайлович охотно отложил в сторону хитрый крестьянский инструмент и пустился в объяснения, стараясь выбирать понятные маленькому мальчику слова:

– Это железяка такая, которая всё крутит. Как в машине, но здесь маленький нужен. В особый бачок заливается бензин, и сей механизм начинает пыхтеть, трещать, гудеть, рычать... Ну и работу всякую делает. Один мотор может сразу несколько лошадей заменить.

– Лошади большие.

– А моторы маленькие. Видел в сених на гвоздике триммер хускварновский висит? Ой, бя...

– Кто? – не понял Тимофей.

– Последнее слово я не говорил, это бес попутал.

– Бесы злые и страшные, мне рассказывали, – согласился княжич. – Я их боюсь.

– Нужно будет, мы и бесов запряжём землю пахать, – успокоил его Самарин, мысленно костеривший себя за забывчивость. – Давай я тебе и в самом деле покажу как моторы работают.

– А потом мороженое?

– Обязательно, но только если посчитаешь, сколько ты сегодня уже съел.

Тимофей задумался, загибая пальцы, и гордо ответил:

– Три!

– Молодец! Арифметика входит в список истинных добродетелей любого правителя.

– И Шемяки? – не поверил княжич.

– Сам же говорил, что у него нет добродетелей. Да и не правитель он вовсе.

– Он козёл!

Андрей Михайлович поперхнулся ответом, взял Тимофея за руку, и повёл в дом. Бензиновая косилка манила...

И она не обманула ожиданий. Бензин был в запасе, масло нашлось там же в сених на полочке, косилка завелась сразу, и довольный донельзя Андрей Михайлович в сопровождении любопытного Тимофея с энтузиазмом принялся за работу. С техникой дело пошло веселее, и за пару часов он успел выкосить лужайку перед забором со стороны улицы, обочины деревянных

тропинок, прошёлся вокруг сарая и бани, около лодочных ворот, между старыми яблонями, и потихоньку пробирался по заросшему бурьяном огороду вдоль забора.

Только вот пчёлам это категорически не понравилось.

– Да ну вас к лешему! – возмутился Андрей Михайлович. – Не хотите жить по-человечески, живите как свиньи.

С этими словами он открыл створку ведущих к старице ворот и начал выкашивать площадку перед ними. И так увлёкся, что вздрогнул от неожиданности, когда перед ногами в землю воткнулась стрела с белым оперением. И сразу стал слышен приближающийся конский топот.

Следующая стрела свистнула над головой, пролетела дальше, и со стуком вонзилась в воротный столб, рядом с плечом стоящего с широко раскрытыми глазами княжича.

– Да что за... – Самарин отстегнул косилку и хлопнул себя по карману. Только вот пистолет он выложил ещё утром перед поездкой в Гороховец. – Бежим, Тимка!

И они успели! Ворота захлопнулись перед конскими мордами и исчезли, а люди в отороченных лисьим мехом шапках рвали поводья, останавливая коней и поднимая их на дыбы, и ругались на непонятном языке в безуспешных поисках растаявшего миража. На траве осталась ярко-оранжевая тарахтящая на холостых оборотах косилка, похожая на диковинную булаву сказочного великана.

Самарин привстал на стремянке и выглянул поверх ворот. В руках он держал ружьё, предусмотрительно заряженное патронами с пулей на медведя или лося. Или на кабана. Впрочем, на человека они действуют не хуже, потому что люди порой такие же дикие и такие же свиньи.

Как и ожидалось, за воротами было пусто. Всё та же старица из двадцать первого века с заросшим кустами обрывистым берегом, и никаких басмачей с луками и саблями на низкорослых лошадках. Птички поют, пчёлы ещё жужжат, торопясь вернуться в улей до захода солнца. Тишина.

– Никого, – сказал Андрей Михайлович стоящему около стремянки княжичу. – Совсем никого нет.

– Они хитрые, – ответил Тимофей, стиснув побелевшие от напряжения пальцы на рукояти охотничьего ножа. – Заманивают, а потом как выскочат... Татары это. Или ногаи. Мне рассказывали.

– Ордынцы, одним словом, – кивнул Самарин и спустился вниз. – Как думаешь, мы с тобой заманимся?

– И всех объём? – оживился Тимофей.

– Нет, мы только поглядим. Одним глазком глянем, и всё.

– Тоже заманивать будем?

– Это уж как получится, – Андрей Михайлович снял с ворот запорный брус и осторожно надавил на створку, открывая узкую щёлку и готовясь тут же закрыть её в случае опасности. – И что у нас там?

Как раз в это время ордынцы собрались вокруг до сих пор тарахтящей косилки, не решаясь взять её в руки. Но вот один их двух десятков человек наконец-то набрался смелости, и ухватился за рога велосипедного руля. Поднял, с торжеством демонстрируя отвагу истинного багатура, и поднёс к лицу командира, выделяющегося богатством чешуйчатого золочёного доспеха среди простеньких кольчуг и стёганных халатов.

– Вай, шайтан! – послышались завистливые голоса.

Может быть, и правда сам шайтан помог привычной к сабле руке нажать на нужную кнопку, а может он и не виноват... Косилка зарычала, набирая обороты, и лески триммера, способные скашивать прутья в мизинец толщиной, хлестнули татарина по глазам.

– А-а-а! – заорал командир ордынцев, закрывая окровавленное лицо руками.

– Э-э-э, шайтан! – одновременно с криком блеснула кривая сабля, и багатур с косилкой упал в траву с разрубленным затылком.

– Ну и я добавлю, – сказал Самарин, и саданул в толпу из ружья. Потом повёл стволом чуть в сторону и выстрелил ещё раз. – Супостаты, бля!

На результат он смотреть не стал, и быстро запер ворота от греха подальше. Не в его возрасте нужно совершать подвиги. Вернее, можно, но не нужно. Лет пятьдесят назад здоровый и румяный сержант Андрюша Самарин мог бы броситься в атаку на численно превосходящего противника, но постаревшему отставному старшему прапорщику Андрею Михайловичу больше нравится другая тактика.

– Вот так мы и воюем, Тимофей!

Княжич, тоже выглядывавший в щель приоткрытых ворот, осторожно погладил приклад двустволки:

– Тоже такую хочу, боярин.

Андрей Михайлович покачал головой:

– Тебя с ног собьёт отдачей, да и не поднимешь ты пока это ружьё. Подрости сначала.

– Я быстро вырасту, – пообещал княжич. – Но ручницу хочу сейчас.

– Ручницу?

– Вот её, – Тимофей опять погладил приклад.

– Давай я тебе пушку сделаю?

– Большую?

– Маленькую, но очень злую.

– Пушку хочу, – согласился мальчик. – Две пушки.

– Вторая-то зачем?

– Батюшке отдам, пусть Литву воюет.

При воспоминании об отце глаза княжича наполнились слезами, но он крепился и не давал предательской влаге выбраться наружу.

– А не съест ли нам мороженое, Тимка? – решил отвлечь его Самарин.

– А супостаты?

– Подождут. И вообще весь мир может подождать, пока будущий Великий Князь Иоанн Васильевич изволит есть мороженое.

Мороженое только раздражило аппетит, и пришлось организовывать второй за сегодняшний день ужин, плавно перетекший в длительное чаепитие с конфетами, вишнёвым вареньем и бубликами с маком. Сам Андрей Михайлович не стал пить чай, и позволил себе то, что не позволял уже много лет – большую кружку крепчайшего чёрного кофе, сваренного в старой гейзерной кофеварке.

Килограммовый пакет кофейных зёрен он купил в Гороховце, повинувшись требованиям внезапно окрепшего организма, но по приезду экспериментировать со здоровьем не стал. Сейчас же кипящий в крови адреналин нужно было разбавить хоть чем-нибудь, и кофеин, в отличии от водки, подходил для этого лучше всего.

Вообще-то Андрей Михайлович сознательно тянул время, надеясь, что появившаяся за воротами проблема рассосётся сама собой. Поэтому не стал торопиться, а сразу после ужина постелил на кухонный стол старую клеёнку и достал маслёнку с ветошью.

– Оружие, Тимка, любит чистку, уход и ласку.

Княжич мотал науку на отсутствующий ус и внимательно наблюдал за манипуляциями с двустволкой.

– Почему, боярин, твоё оружие без золота и серебра?

– А зачем? – спросил Самарин, энергично орудуя шомполом. – Золото тяжёлое и только мешаться будет.

– Зато все сразу увидят, что ты боярин!

Какой, однако, развитый для своих лет мальчик! Вопросы задаёт правильные. Правильные для отвечающего вопросы.

– А зачем всем видеть? Это купцу нужно выпячивать богатство и подпоясываться так, чтобы сытое брюхо вперёд торчало. Удобство, Тимка, никак не меньший показатель!

– Шубы соболя... – вспомнил княжич.

– Сидеть в них, париться и вонять. Это же наказание, а не награда. Впрочем, если человеку гордиться нечем, кроме как древностью рода и заслугами предков, то и шуба подойдёт. Тебе, Тимофей, про Александра Македонского рассказывали?

– Да, – кивнул мальчик.

– Так он вообще без портков ходил, но это не помешало ему завоевать половину мира и стать величайшим героем древности.

– Но по отчине и дедине...

– А предок твой, Святослав Игоревич, соболю шубу не носил, – Андрей Михайлович протёр ружьё от излишков масла и собрал его. – Если жить по старине и заветам пращуров, то нынешних князей хоть сейчас на кол сажать можно.

– За что?

– За сепаратизм, – ответил Самарин, и на непонимающий взгляд пояснил. – Было единое государство с одним государем, а сейчас у вас хрен знает что. Хм... про хрен забудь, я это не говорил.

– Опять бесы попутали?

– Ага, они самые. Вот как раз мы этих бесов сейчас и проведаем.

– Проведаем! – согласился княжич, и первым соскочил с лавки. – И убьём?

– Тут уж как получится, Тимка.

Убивать никого не пришлось, чему Андрей Михайлович искренне порадовался. За воротами стояла тишина, изредка нарушаемая недовольным фырканьем единственной стреноженной лошади, да в живописных позах лежало с десятков покойников с характерными рублеными ранами. Голова командира, щеголявшего богатым доспехом, откатилась на пару метров от туловища. Бензокоса с погнутой в нескольких местах штангой уже перестала тарыхтеть и валялась рядом.

– Козлы! – Самарин прикинул стоимость запчастей на фирменный инструмент и решительно пошёл к трупам, сказав на ходу княжичу. – Тимка, ты пока дома посиди, а я трофеи соберу.

Мальчик послушно попятился, не отводя глаз от поля боя, а Андрей Михайлович проверил наличие пистолета в кармане, и закинул ружьё за спину.

Хм... с чего бы начать? В принципе, с чего угодно. В средневековой Руси живут бедно, и не только железо ценится, но и сапоги с покойника – вполне ходовой товар, пользующийся немалым спросом. Одежду тоже можно снять и отстирать, но при этой мысли к горлу подкатывает тошнота. Нет уж, не жили богато, нехрен и начинать! К чертям такой трофей. Или к водяным, так даже правильнее. Если сбросить трупы в Клязьму, то через несколько дней жители Нижнего Новгорода смогут порадоваться неожиданному подарку матушки Волги.

– А Вадим? – вслух вспомнил Андрей Михайлович.

Точно, ведь завтра рано утром приедет племянник, и при помощи трупов его можно будет убедить в полной вменяемости престарелого дяди. В разговоре по телефону он что-то такое заподозрил... Нет, трупы и вменяемость – понятия взаимоисключающие.

Размышляя вслух и разговаривая сам с собой, Андрей Михайлович увязал сапоги в трофейный засаленный халат, показавшийся самым приличным из имеющихся в наличии. Не забыть бы потом обработать его дихлофосом. Кстати, почему покойников одиннадцать, а сапог только девятнадцать?

Самарин не нашёл ответа на свой вопрос, пожал плечами, отнёс узел с обувью за ворота, и вернулся. Теперь отдельно кольчуги, у кого они есть, и оружие. Чёрт возьми, какое же оно всё тяжёлое! Лошадка ещё эта над ухом фыркает.

– Пошло прочь, животное, – Андрей Михайлович хлопнул лошадку по заднице древком короткого копыя. – Вон отсюда!

Мысль использовать коня для перевозки тяжестей отверг сразу – лошадей Самарин откровенно побаивался, и лошадиные силы предпочитал видеть только под капотом машины. В колбасе тоже неплохо. А если маханину правильно приготовить, да с лучком...

Правильно, луки тоже нужно забрать. Странно маленькие, совсем не похожие на эльфийские или английские из фильмов, они всё равно смотрелись хищно и смертоносно. И дорого, что тоже имеет значение.

Через полчаса, когда уже начало темнеть, Андрей Михайлович закончил сбор трофеев и приступил к самому неприятному. Для показа племяннику он решил оставить всего двух покойников, а остальных отправить в Клязьму. Хватит двоих? Да, наверное, хватит – этого без головы, и ещё вот этого с уголовной мордой. Только уложить рядком, чтобы потом не запинаться.

Самарин ухватил ближайшего за пояс и потянул на себя. Тот от тяжести с хлопком порвался пополам, и вылетевшая монетка тускло блеснула в неверном свете сумерек. Золото?

Нет, это серебро, совсем не похожее на знакомые московские чешуйки. Порядком вытертая и почти круглая монета, но на одной стороне вполне различим стоящий с поднятой передней лапой неведомый зверь, а на другой то ли засохшие червячки, то ли буквы неизвестной науке письменности. Да и плевать на письмена, серебро, оно и есть серебро.

Андрей Михайлович нашёл в поясе ещё три монетки, и на всякий случай обыскал остальных покойников. Это не подштанники грязные с них снимать, это совсем другое. Интуиция не подвела, и обыск принёс четырнадцать монет, причём одну золотую с крестом и бородастой Горгоной Медузой. Где такие чеканят?

Благодарный Самарин провожал каждого в последний путь добрым словом и единственной молитвой, которую знал. На том свете вряд ли разделяют людей по религиям.

– Покойся с миром, добрый человек. Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя Твое, на приидет царствие Твое...

Проводил, и устало побрёл домой, не забывая внимательно посматривать по сторонам.

А ночью сон всё никак не шёл, и лёжа на диване в обнимку с заряженным ружьём, Андрей Михайлович прислушивался к шорохам. И уснул только перед рассветом.

– Да не может такого быть! – племянник попинал ногой лежащую на ступеньках кольчугу, покрытую бурыми пятнами засохшей крови. – Это мистика и фантастика!

– Не ори, – Полина Дмитриевна отвесила Кукушкину подзатыльник и покосилась на дом. – Ребёнка разбудишь.

– Да, – усмехнулся раздосадованный недоверием Андрей Михайлович, – а то он потом вырастет, и его опричники тебя на кол посадят. Хочешь на кол, Вадик?

– Вообще-то это не Иван Грозный, – Вадим не стал отвечать на глупые подначки и сразу перешёл к сути. – Если ты нас не разыгрываешь, то в доме сейчас спит будущий Иван Третий, потому что именно его бабушкой была Софья Витовтовна. Ты её с Софьей Палеолог спутал, дядя Андрей. Мог бы и сама в интернете посмотреть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.